Н.М. ПЕТРУХИНА, Г.Т. ГАРИПОВА

Литература

1 ЧАСТЬ

УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ В ДВУХ ЧАСТЯХ
ДЛЯ 9 КЛАССА ШКОЛ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
С РУССКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

Издание пятое

Утвержден Министерством народного образования Республики Узбекистан

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
2019

УДК 821.161.1(075)
ББК 83.3(0)-93
Г20

Петрухина Н.М. и др.

Г 20 Литература: Учебник для 9 класса в двух частях для школ общ. средн. образов. с рус. яз. обуч., I часть/ Н.М. Петрухина, Г.Т. Гарипова. — Т.: «Узбекистан», 2019. — 240 с.

1.1,2 Соавт.

ISBN 978-9943-01-539-5

УДК 821.161.1(075)
ББК 83.3(0)-93

Petruxina Natalya Mixaylovna, Garipova Gulchira Talgatovna

LITERATURA

Ta'lim rus tilida olib boriladigan umumiy o'rta ta'lim maktablarining 9-sinfi uchun ikki qismli darslik-xrestomatiya

(rus tilida)

I qism

Beshinchi nashri

Редакторы *Ю. Шопен, О. Вульф*
Художник *В. Лебедев*
Художественный редактор *Х. Кутлуков*
Технический редактор *Л. Хижова*
Корректор *Ш. Иногамова*
Компьютерная верстка *К. Голдобина*

Издательская лицензия AI № 158, 14.08.2009.
Подписано в печать 24 апреля 2019 года. Формат $70\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Virtec Antiqua». Кегль 12,8; 11,5. Условно-печатных листов 17,55. Учетно-издательских листов 16,91. Тираж 64 333. Заказ № 19-168.

Издательско-полиграфический творческий дом «Узбекистан» Агентства информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан.
100011, Ташкент, ул. Навои, 30.

Телефон: (371) 244-87-55, 244-87-20 Факс: (371) 244-37-81, 244-38-10.
e-mail: uzbekistan@iptd-uzbekistan.uz *www.iptd-uzbekistan.uz*

Издано за счет средств Республиканского целевого книжного фонда

ISBN 978-9943-01-539-5
© Н.М. Петрухина, Г.Т. Гарипова, 2002, 2006, 2010, 2014, 2019
© ИПТД «Узбекистан», 2002, 2006, 2010, 2014, 2019

ОТ АВТОРОВ

Дорогие девятиклассники!

Вы продолжаете изучение литературы и осмысление одного из основных видов искусства — искусства слова.

Предметом искусства является человеческий мир, отношение человека к реальной действительности. Именно в литературе человек как носитель духовности становится прямым объектом воспроизведения и постижения.

Немецкий философ Г. Гегель, подчеркивая духовную сторону литературы, говорил, что «главная задача поэзии будет состоять в том, чтобы способствовать осознанию сил духовной жизни и вообще всего того, что бушует в человеческих страстях и чувствах...»

Познавая мир литературы, вы, дорогие ребята, научитесь не только мыслить широко и глубоко, но и ценить красоту слова. Литература способствует развитию внутренней духовности, которая лежит в основе нравственности. И только глубоко нравственный человек становится Личностью, способной понять этот мир, изменить его к лучшему, как говорил Ф.М. Достоевский: «Учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь сделает остальное».

Перед вами открывается целый мир, и чтобы почувствовать его и открыть для себя, вам надо читать произведения разных эпох и народов.

Великий русский писатель XX века А. Толстой подчеркивал важность чтения для развития человека: «Хорошая книга — точно беседа с умным человеком. Читатель получает от нее знания и обобщение действительности, способность понимать жизнь».

Данный учебник познакомит вас не только с основными этапами развития русской литературы, но и с произведениями узбекской и зарубежной литературы.

Отдельные фрагменты из текстов произведений, включенные в учебник-хрестоматию, облегчат вам работу над текстами.

Краткая характеристика литературного процесса, сжатый анализ произведений послужат вам руководством в последующей работе над художественными текстами.

Каждая глава завершается вопросами и заданиями. Они помогут вам глубже проанализировать произведения, вдумчиво осмыслить материал, содержащийся в разделах учебника.

Ответы на одни вопросы можно найти непосредственно в тексте учебника-хрестоматии, на другие — потребуют самостоятельной работы. Это научит вас не только хорошо запоминать и правильно излагать прочитанное, но и, что особенно важно, уметь самостоятельно анализировать художественные тексты.

Желаем вам расширить свой кругозор, обогатить свои знания нравственными ценностями великой русской и узбекской литератур в их мировом контексте, полнее и глубже узнать закономерности их становления и развития, осознать роль в идеологической жизни нашего государства. Это поможет вам развить свой художественный вкус, овладеть навыками анализа литературных произведений и, главное, — стать людьми с высоким уровнем культуры, посвятить свою жизнь идеалам Добра и Гуманизма!

Литература играет особую роль в развитии нравственности и духовности. Первый Президент Узбекистана И.А. Каримов неоднократно подчеркивал, что важнейшей заботой государства и общества должно быть «укрепление и развитие духовности народа», «возрождение национального самосознания не может быть оторвано от идеалов мировой гуманистической культуры и общечеловеческих ценностей». И в государственной концепции развития общества, основанной на принципах «духовности и просветительства», главная роль отводится воспитанию нравственного человека, всесторонне развитой личности. Важное значение приобретает сегодня процесс становления высоконравственной культуры, опирающейся на национальные традиционные и общечеловеческие ценности, лежащие, в первую очередь, в основе литературы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взаимоотношения литературы и действительности многообразны и многосторонни. Литература составляет важнейшую часть человека, и связана с его общественной жизнью. Однако она не просто отражает действительность в своем художественном пространстве, но и является особой формой познания, освоения действительности. Вместе с тем сама литература существует как некая «вторая реальность». Художник творит эту новую реальность в соответствии с законами жизни и при этом открывает существенное в самой объективной действительности. Таким образом литература вносит в жизнь новое содержание, добытое ее собственными средствами.

Отношения литературы и жизни не заданы раз и навсегда, они создаются в каждую культурную эпоху заново, всякий раз по-своему.

История литературы рассматривается, как правило, в рамках мирового литературного процесса, с учетом определяющих стадий и проблем мирового общественного, общекультурного и собственно литературно-эстетического развития.

Первостепенное значение, естественно, приобретает раскрытие исторической и социальной обусловленности литературного движения. Авторы данного учебника стремятся рассматривать факты литературы, различные идейно-художественные тенденции как в русской, так и в узбекской литературах, сосуществование и становление разных направлений и течений в системе общих закономерностей развития мировой литературы.

Осознание общих закономерностей литературного процесса в ту или другую историческую эпоху немыслимо без углубленного анализа наследия отдельных писателей, чье творчество порой определяло развитие целой эпохи. Поэтому характеристика писателей в контексте общей картины литературной эпохи дает возможность понять историю литературы в целостности и в то же время в ее неповторимых индивидуальных проявлениях. Это и определило логику настоящего учебника.

Главы проблемно-обзорные, воспроизводящие своеобразную картину литературного движения в ту или другую эпоху, раскрывающие его закономерности, черты и разнообразные тенденции, сочетаются с главами, в которых даются творческие портреты выдающихся писателей, анализируются программные произведения.

В учебнике-хрестоматии, в теоретической части, изложена краткая история русской литературы с момента ее возникновения (с X по XX век включительно), история узбекской литературы в определенные периоды ее развития, представлен обзор творческой деятельности тех писателей, наследие которых имеет общенациональное и мировое значение. Отбирались также такие литературные явления, в которых наиболее ярко и полно выразились определяющие приметы того или иного направления.

Периодизация русской литературы определяется историко-литературными эпохами. Первый период — период древнерусской литературы — охватывает X — конец XVII века. В данном разделе освещается своеобразие исторического пути русской литературы этого времени, становление ее национальной самобытности.

Второй период — новая русская литература XVIII века, где раскрывается значение традиций XVIII века в истории русской литературы XIX века, образующей третий период.

Третий период — XIX век — характеризуется определенными литературными процессами. Выделяются основные течения и направления «золотого века» русской литературы.

Четвертый период охватывает литературу XX века с обилием и многообразием литературных явлений разного уровня — как продолжающих традиции, так и образующих новую литературу.

В рамках данного учебника более подробно освещается период начала XX века, именуемый модернистским. Дается анализ разных течений, сосуществующих в этом литературном направлении.

В учебник-хрестоматию введены и небольшие главы, характеризующие определенные этапы развития узбекской литературы, освещающие творчество писателей, создающих национальную культуру. В системе литературного процесса XX столетия рассматриваются и наиболее значимые этапы развития новой узбекской литературы.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА[1]

Русская литература до XVII века традиционно именуется «древней». За это время историческая жизнь России прошла древний, средневековый, а примерно с XVII века и новый периоды своего развития.

Само понятие художественной литературы как области формально автономной и отграниченной от других областей культуры в древности не существовало, по крайней мере, если иметь в виду литературу письменную, а не устную.

Монополия церкви существенно ограничивала художественные возможности древней русской литературы, но она все же дала ценный материал в области повествовательного жанра.

Время возникновения письменной литературы нельзя определить с точностью. Но есть основания полагать, что она существовала на Руси еще до второй трети XI века — времени, которым датируются первые дошедшие до нас памятники русской письменности.

Письменность, ее возникновение относят обычно задолго до принятия Русью христианства. В IX—X веках она уже, несомненно, существовала.

Итак, древняя литература насчитывает примерно шесть с половиной веков существования.

Древнейший период развития русской литературы до начала XIII века связан с Киевской Русью, поэтому он обычно называется киевским периодом, или периодом домонгольским.

ЛИТЕРАТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ

Основным средоточием литературы в этот период была Южная Русь, центром — Киев.

Памятники, возникшие на юге, получили широкое распространение на севере и дошли до нас большей частью в северно-русских списках[2], язык в основном был общим — старый литературный язык восточных славян. С этой точки зрения литература киевского периода должна рассматриваться как литература общая для великорусов, украинцев и белорусов.

---

[1] Концепция рассмотрения специфики древнерусской литературы основана на теории Д. Лихачева.

[2] *Список* — собрание древнерусских рукописей.

Она представляет собой первый этап в развитии древнерусской литературы, совпадающий с начальным периодом феодальной раздробленности.

В дальнейшем, когда государство распалось на отдельные земли — княжества, наступает период областного развития русской литературы, продолжающийся вплоть до объединения русских земель в Московском государстве.

Но уже с начала XVI века в связи с образованием в XV веке централизованного Русского государства областные тенденции ослабевают. В это время в качестве господствующей прочно утверждается *дворянская литература*.

Но в XVII веке уже развивается литература и посадская, и отчасти крестьянская.

Литература Древней Руси на первых порах проникнута церковной идеологией. Средством распространения древнерусской литературы была исключительно рукопись. Книгопечатание возникло лишь в середине XVI века.

Развитие древнерусской литературы протекало параллельно с эволюцией литературного языка. В основу последнего лег живой русский язык, наиболее ярко проявленный в произведениях светского характера. Уже в самую отдаленную эпоху были заложены основы современного русского языка.

Литературный процесс в Древней Руси находился в тесной связи с изменением материала и техники письма. До XIV века рукописи писались на пергаменте почерком **устав.**

Со второй половины XIV века в употребление входит бумага и почерк **полуустав** — прямые линии сменяются косыми. Приблизительно тогда же появилась и **скоропись.**

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII ВЕКА)

XII век — это время бурного расцвета удельных княжеств и, прежде всего, их столиц и центров, таких городов, как Владимир, Суздаль, Смоленск, Полоцк, Галич.

Начало XII века для литературы древнего Киева было временем значительных достижений — развитие Киевского летописания венчает «Повесть временных лет», а «Поучения» Владимира Мономаха свидетельствуют о том, какого высокого уровня достигла образованность и начитанность русских «книжных людей» в эти годы.

Но в то же время XII век был очень тревожным временем. В 1132 году, после смерти великого князя киевского Мстислава Владимировича (сына Владимира Мономаха), начались раздоры между князьями русских феодальных вотчин — шла борьба за обладание великокняжеским столом. На фоне этой борьбы половецкие набеги на русские земли не казались князьям первоначально угрожающими, и даже разгром Киева войсками Андрея Боголюбского не заставил их призадуматься над реальным положением вещей. В Южной Руси настало время, когда, по словам автора «Слова о полку Игореве», «начяша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себ крамолу ковати. А погании съ всхъ странъ прихождаху съ побдами на землю Рускую».

Все это не способствовало развитию литературы и книжного дела. И это явилось причиной того, что, кроме летописаний и «Киево-Печерского патерика», мы не знаем литературных памятников, созданных в течение рассматриваемого столетия на Киевской земле. Но тот факт, что «Слово о полку Игореве» было создано в этот период, есть свидетельство высокого роста литературы.

О «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Самым выдающимся памятником Киевской Руси является, бесспорно, «Слово о полку Игореве». Оно дошло до нового времени в единственном списке, однако и тот погиб во время пожара Москвы в 1812 году, так что мы располагаем лишь изданием «Слова», осуществленным в 1800 году владельцем рукописи — меценатом и любителем древностей графом А.И. Мусиным-Пушкиным, и копией, изготовленной для Екатерины II уже в конце XVIII века.

Художественное совершенство «Слова», будто бы не соответствующее уровню литературных памятников Древней Руси, и гибель рукописи явились поводом для возникновения сомнений в древности памятника и даже для гипотез о создании «Слова» в конце XVIII века.

Филологическая и каллиграфическая критика[1] екатерининской копии и первого издания «Слова» позволяет соотнести погибшую

[1] *Филологическая критика* — совокупность приемов, способствующих восстановлению истинного текста литературного произведения и уяснению его содержания и значения в истории литературы. Иногда также исследования проводятся на основе анализа образцов каллиграфического письма рукописи.

рукопись с периодом XVI в., скорее всего, с его началом... Но, по мнению исследователей, дошедший до нас список восходил, разумеется, не непосредственно к оригиналу, а к какому-то списку, в свою очередь переписанному с более раннего списка. Какое количество таких промежуточных списков отделяет единственную нам известную рукопись «Слова» от его автора, трудно предположить. Это и послужило поводом для многочисленных гипотез о несоответствии «Слова» поэтике XII века.

Но предпринятые в последние годы изыскания решительно опровергают эти гипотезы. Во-первых, выяснилось, что «Слово» не обнаруживает индивидуальной текстуальной близости ни к одному из известных ныне списков текстов, относящихся к XIII веку (например, «Задонщины»). Всей суммой параллелей к «Слову» обладал, видимо, авторский текст этого памятника, и, следовательно, «создать» «Слово» до XIII века можно было бы, лишь обладая таким уникальным текстом.

Второй весомый аргумент в пользу древности «Слова» — в памятнике XIII века «Задонщине». Исследователи обнаружили много фрагментов, заимствованных из «Слова».

О древности «Слова» говорят и другие наблюдения: это и отражение в нем понятных по преимуществу современникам деталей исторической обстановки XII века, и употребление архаичных тюркизмов, и особенности стиля и поэтики «Слова», и характер мировоззрения его автора, и факт отражения текста «Слова» в приписке к «Псковскому апостолу» 1307 года.

Идейно-тематическая основа «Слова о полку Игореве». В основе сюжета «Слова о полку Игореве» лежит действительное событие русской истории: в 1185 году, через два года после успешного объединенного похода русских князей против половцев, в новый поход на кочевников отправился князь небольшого Новгород-Северского княжества Игорь Святославич с сыновьями, братом Всеволодом и племянником Святославом Олеговичем Рыльским. Поход окончился разгромом Игоревой рати — князья попали в плен, дружина и ковуи[1] были частью перебиты, частью пленены; скорбную весть о поражении принесли на Русь чудом спасшиеся воины.

Окрыленные победой, половцы нанесли ответный удар: их отряды вторглись в беззащитные теперь русские княжества. Все Левобережье было сожжено, разграблено, опустошено ими. Однако уже через

[1] *Ковуи* — вспомогательные полки из осевших на Руси кочевников.

месяц Игорю удалось бежать из плена с помощью сочувствовавшего ему (или подкупленного им) половчанина Лавра (Овлура). Таковы события 1185 года. Именно они определяют тематическую основу «Слова о полку Игореве»

Но автор «Слова» превратил этот частный, хотя и весьма значительный, эпизод полуторавековых русско-половецких войн в событие общерусского масштаба: он призывал всех князей земли Русской отомстить за раны Игоря и заступиться «за землю Русскую». В этом призыве заключена патриотическая идея «Слова...». Как отмечает Д.С. Лихачев, «и призыв к единению перед лицом внешней опасности пронизывает собою все «Слово» от начала до конца».

Поэтика «Слова о полку Игореве». Стиль, система образов. Характерные черты «Слова о полку Игореве» как художественного произведения особенно наглядно уясняются при сопоставлении его с повестью о походе Игоря Святославича на половцев, вошедшей в Ипатьевскую летопись[1]. Летописная повесть передает последовательно все основные подробности похода Игоря. А «Слово» стремится не к передаче последовательных моментов Игорева похода и возвращения его из плена, а к возбуждению прежде всего чувства жалости и участия к Игоревой беде и к уяснению всего происшедшего в плане определенной политической ситуации.

С этой целью автор «Слова» дает ряд сменяющих друг друга лирических картин, в которых фактический элемент отходит на задний план и уступает место образному описанию отдельных наиболее драматических моментов, связанных с судьбой Игоря и его войска.

В «Слове», несмотря на приверженность автора христианской религии, чувствуется присутствие элементов языческой мифологии.

Начиная «Слово», автор следует не столько традициям исторической повести своего времени, сколько «замышлениям Бояна», жившего в XI–XII вв. Следуя его буйной фантазии, автор вместо традиционной воинской повести создает одновременно страстную лирическую песню и волнующее публицистическое произведение,

---

[1] *Ипатьевская и Лаврентьевская летописи* — две важнейшие рукописи русских летописей. Первая названа так по своему происхождению из Ипатьевского монастыря в Костроме, вторая — по имени писца, оставившего о себе запись в конце рукописи: «Лаврентий мних» (монах).

сам становясь судьей не только настоящего, но и прошлого русской истории, часто отвлекаясь от описаний, чтобы перейти к рассуждениям и размышлениям.

Автор не интересуется точными фактами, пытаясь передать общее впечатление от событий и заставить читателя пережить и прочувствовать их.

В «Слове» гиперболически описаны плоды победы князя Игоря, так же как со всей художественной выразительностью описана драматическая ситуация битвы, окончившейся поражением.

Часто для передачи определенной идеи автор «Слова» прибегает к приемам метафоризации, олицетворения, параллелизма, литоты, гиперболы и т.д., используемым в устной поэзии и в литературных памятниках еще начиная с Библии.

Важную смысловую нагрузку несут два фрагмента «Слова...», связанные с образом Святослава — сон и «золотое слово». В соответствии со всем стилем «Слова» сон Святослава разъяснен не путем буквальных, реальных соответствий, а метафорически. «Ведь два сокола слетели с отцовского золотого стола, чтобы поискать города Тьмуторокани либо испить шеломом Дона». Вслед за этим идет «золотое слово» Святослава, содержащее укоры Игорю и Всеволоду. Наиболее ярким моментом «Слова» является патетическое обращение ко всем сильным русским князьям, трижды прерываемое лирическим рефреном: «за землю Русскую, за раны Игоревы, сына Святославича». После этого следуют исторические воспоминания автора.

Достаточно сложным является вопрос жанрового определения, поскольку «Слово о полку Игореве» совмещает в себе жанры ораторского произведения, воинской исторической повести, героической песни. Жанровые признаки повести и песни в «Слове» самоочевидны, но непосредственное обращение автора к своим слушателям — это уже особенности ораторского жанра.

Начав «Слово...» с обращения, автор обращением его и заканчивает. Автор «Слова» все время находится в позиции оратора, говорящего от первого лица. В своих исследованиях Д.С. Лихачев отмечал, что так и «не удалось найти к «Слову» полных жанровых аналогий. <...> «Слово — книжное, письменное произведение, очень сильно зависящее от устной поэзии».

Богатая образно-символическая насыщенность «Слова» — отличительное его качество. Поэтическое олицетворение, метафора,

сравнение, параллелизм обусловливают богатство его поэтических красок, указывая на неразрывную связь мира природы и мира человека. Поэтический стиль «Слова» находится в зависимости как от книжной, письменной литературы, так и от литературы устной.

В согласии с общим характером поэтического стиля «Слова» находится его разнообразная и красочная символика. Символические соответствия — излюбленное средство образного раскрытия фактов и событий в «Слове».

Анализируя древнерусское церковное ораторство и житийную литературу, мы отмечаем особенности их стиля: наличие символики, олицетворение отвлеченных понятий, присутствие метафорических образов, введение в изложение монологической и диалогической речи, риторических восклицаний и вопросов, использование приемов сравнения и параллелизма, антитезы, ритмической организации речи, выражающейся в повторениях, единоначалиях, в замыкании рядом стоящих фраз глаголами, иногда рифмующихся друг с другом.

В «Слове» отсутствует сплошной стихотворный ритм. Он невозможен в связи с обилием исторических сведений, сложных конструкций предложений. «Слово», как и скандинавские саги, представляет собой чередование прозаических и стихотворных в основе своей песенных фраз.

«Слово о полку Игореве» стало главным явлением не только литературы древней, но и новой — XIX и XX веков. Поэты переводили «Слово» и использовали его образы в своих произведениях. Опера А.П. Бородина «Князь Игорь» стала одним из любимейших произведений оперного слушателя. Сюжеты «Слова» широко использовались в живописи. «Слово» переводили Жуковский, Майков, Мей. Подготовительные материалы к переводу оставил А. Пушкин, который испытывал колоссальный интерес к этому великому памятнику русской литературы и изучал его. «Слово» стало явлением мировой поэтической культуры.

Логика идейно-тематической основы «Слова...», его сложный жанровый синтетизм, разнообразие художественно-метафорических средств выражения, ритмическая организация стихотворного текста, поэтика образной системы — все это в совокупности определяет оригинальность и неповторимость «Слова о полку Игореве», составляет его идейно-художественное своеобразие.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

В переложении Н. Заболоцкого

(Фрагменты)

«ЗОЛОТОЕ СЛОВО СВЯТОСЛАВА»

...И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы пра́дедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу — мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовым кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:

«Обернусь я, бедная,
кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом
наклонясь».

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:

«Что ты, Ветер, злобно
повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие
вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем
море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с
высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»

На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:

«Днепр мой славный!
Каменные горы
В землях половецких ты
пробил,
Святослава в дальние
просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко
мне!»

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:

«Солнце трижды светлое!
С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?

И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному —
Сам Господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.

Вопросы и задания

1. Какова история появления «Слова» в литературной жизни России?
2. Каково идейно-художественное содержание «Слова»?
3. Как проявляется жанровый синтетизм «Слова о полку Игореве»?
4. Раскройте особенности композиции «Слова».
5. Раскройте художественно-изобразительные средства «Слова».
6. Опишите систему образов «Слова».
7. Какова роль образа природы в «Слове»?
8. В чем проявляется метафорическая основа «Слова»?
9. Выучите и расскажите «Плач Ярославны».
10. В чем поэтическое своеобразие «Плача»?
11. Почему «золотое слово» считается основным идейным стержнем «Слова»?
12. Каково значение образа князя Святослава в раскрытии основной идеи «Слова»?
13. Для чего автор использует «песенный» зачин?
14. Почему в произведении используется образ вещего Бояна? образ автора?
15. Какова историческая роль «Слова» для своего времени в последующий период становления Руси?
16. В чем актуальность «Слова» в наши дни? Каково влияние «Слова» на современную культуру?
17. В чем проявляется глубокая связь идейного содержания и художественно-изобразительных средств «Слова» с устным народным творчеством?
18. Проведите параллель идейно-художественного соотнесения «Слова о полку Игореве» и узбекского эпоса «Алпомыш».

Советуем прочитать

«Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах.

Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве», «Золотое слово русской литературы».

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА И ФОРМИРОВАНИЕ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Преемственность является одной из важнейших закономерностей развития литературы, обусловливаемой в конечном счете самим характером исторического процесса. И несмотря на европеизацию России начала XVIII века, неправомерно говорить о разрыве Петровской России с Россией допетровской. Единый процесс исторического развития не был нарушен, хотя Россия давно уже шла общеевропейским путем. Петровские реформы были красноречивым проявлением общей закономерности, сказавшейся как в области политики, так и в области культуры.

Одним из первых именно так поставил вопрос Г.А. Гуковский еще в 1927 году. Рассматривая конкретно-исторически развитие литературы, опираясь на подлинные факты, ученый указывал, что литература нового века «попадала в сферу действия старых традиций, переданных современниками Тредиаковского и Ломоносова еще XVII веком и Петровской эпохой».

Но можно смело говорить о том, что влияние культурных и эстетических ценностей Запада не исключало формирование самобытной литературы, обусловленной своеобразием исторического пути России.

Главное, что было заимствовано русской культурой XVIII века, — это утверждавшееся на протяжении столетий представление о высокой общественной роли литературы, которая, наконец-то, обретала самостоятельность и независимость от многих институтов власти (церковь, политические институты), хотя Петр I и проявлял практический интерес к литературе, стремясь использовать литературу для нужд государства.

Литература XVIII века приобретает такое новое важное качество, как «дидактичность» или «учительство». Как отмечал

Г.П. Макогоненко, «русский писатель, уверовавший в концепцию просвещенного абсолютизма, выступал в роли гражданина, который дерзал учить царствовать очередного монарха».

Главной особенностью русской литературы было то, что она создавалась усилиями индивидуальных авторов, — это и способствовало появлению нового типа писателя, чья литературная деятельность обусловливалась его личностью.

В эту пору Россия и решала самостоятельно кардинальнейшую возрожденческую проблему — проблему личности. И несмотря на влияние западной гуманистической концепции, национальный фактор в сложном историческом и культурном процессе XVIII века обусловил формирование российской идеи личности, утвердившийся идеал человека и меру его оценки, оказав влияние на основы складывавшейся на русской почве гуманистической идеологии. Влияние этой идеологии раньше всего сказалось на художественной практике поэтов русского классицизма.

Классицизм как определенное направление сформировался раньше всего во Франции, в XVII веке. Французский классицизм освобождал человека от религиозно-церковного влияния, утверждая личность как высшую ценность бытия. Русский классицизм не просто воспринял теорию западноевропейскую, но и обогатил ее национальными особенностями.

Классицизм, начав создание национальной литературы, способствовал выработке идеалов гражданственности, сформировал представление о героическом характере, высоко поднял поэтическую культуру, включил в национальную литературу художественный опыт античного и европейского искусства, показал способности поэзии к аналитическому раскрытию духовного мира человека. Но русский классицизм начал свою историю с резко обозначившихся противоречий, которые и явились поводом говорить об особенностях русского классицизма как национального варианта общеевропейского стиля. Наиболее ярким «нарушителем» канонов классицизма был Ломоносов, который дерзко нарушил многие «правила», создав принципиально новую художественную форму оды.

Но в XVIII веке помимо «чистого» классицизма существовала и «революция в искусстве»: в России в последней трети века начинается формирование просветительского реализма и сентиментализма, вдохновлявшихся гуманизмом Возрождения и Просвещения. Такой

синтез был продиктован новыми условиями, в которых классицизм не мог понять и выразить идеал человека, рожденный в ходе развертывавшейся антифеодальной борьбы.

Нужно было искусство не идеализировавшее, а объяснявшее жизнь. Таким искусством оказался просветительский реализм. В России он позволил обнажить правду крепостнической системы, гибельность рабства для всей нации (Новиков, Фонвизин, Радищев) и утвердить в обществе свободу и справедливость.

Первые успехи новый метод одержал в драматургии: комедии Фонвизина «Бригадир» и особенно «Недоросль» закладывали фундамент русского реализма. Дальнейшее развитие он получит в прозе Новикова, Фонвизина, Радищева, Крылова, которые изображали скорее общественный конфликт, драму идей, нежели семейную драму.

Особую роль в русском литературном процессе XVIII века играет творчество **А.Н. Радищева (1749–1802),** обозначившего переходный этап развития русской литературы от классицизма к просветительскому реализму.

Творчество А.Н. Радищева связано с традициями не только русской, но и европейской литературы Просвещения, идеалы которой были ему близки, в первую очередь, своим гуманистическим пафосом. В центре внимания автора знаменитых «Путешествий из Петербурга в Москву» находился человек, его социальные отношения, его внутренний мир, творчество и нравственность. Писателя очень волновал вопрос о «частной вольности», о личной свободе, который с конца 1776 года приобрел в крепостнической России острое политическое содержание. Все это нашло непосредственный отклик в произведениях Радищева начала 1780-х годов, где тема «вольности» становится одной из главных.

К 1781–1783 годам относится создание оды «Вольность», включенной затем в текст «Путешествия из Петербурга в Москву». Создавая оду «Вольность», Радищев обратился к традиционному жанру поэзии классицизма — оде. «Предмет» радищевской оды необычен: восхваляется не государь, не выдающийся политический деятель, не полководец:

О дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,

О вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Тематика, система образов, стиль оды «Вольность» — все это неразрывно связано с традициями русской гражданской поэзии XVIII века. Автор оды использовал традиции переложения псалмов и придал библейскому тексту смелый тираноборческий смысл. Знаменитое державинское стихотворение — переплетение 81-го псалма «Властителям и судиям» (1780) явилось ближайшим предшественником «Вольности».

Радищевская ода знаменовала новый этап в истории русской общественно-политической мысли и литературы. Впервые в художественном произведении с такой последовательностью и полнотой была обоснована идея правомерности народной революции.

В оде Радищева обнаруживаются определенные исторические закономерности, помогающие оценить конкретную ситуацию в крепостнической России конца XVIII века.

Итогом многолетних наблюдений и глубоких раздумий писателя стала его книга «Путешествие из Петербурга в Москву», законченная в 1790 году. Петербургский обер-полицмейстер разрешил печатать ее, приняв за невинные путевые заметки. Впоследствии А.С. Пушкин метко сказал: «Радищев — рабства враг, цензуры избежал». «Путешествие...» вышло анонимно, небольшим тиражом.

В жанровом отношении книга Радищева написана в форме путевых заметок, а главы ее поименованы названиями тех почтовых станций, на которых останавливался герой-путешественник. Это дало автору возможность широко охватить русскую действительность конца XVIII века. Форма путевого дневника позволила Радищеву глубоко раскрыть мысли и чувства, переживания путешественника, передать его впечатления от увиденного.

Тщательно продумав композицию «Путешествия», придав ей внутреннюю логику, Радищев апеллировал и к разуму, и к чувству читателя. Одну из главных особенностей творческого метода Радищева верно определил Г.А. Гуковский, обративший внимание на эмоциональную сторону «Путешествия...»: «Читателя должен убедить не только факт как таковой, но и сила авторского подъема; читатель должен войти в психологию автора и с его позиции взглянуть на события и вещи. «Путешествие» — это страстный монолог, проповедь, а не сборник очерков».

Открыть глаза на вопиющее бесправие закрепощенного крестьянства, на невыносимую тяжесть самодержавного гнета, поднять «завесу с очей», увидеть и показать другим, доселе тщательно скрывавшееся истинное положение вещей в стране, — такова цель книги. Рассказ в ней ведется от имени некоего путешественника, литературный персонаж которого не следует полностью отождествлять с автором, но устами которого Радищев выражает свои взгляды.

С каждой новой главой произведения перед его читателями развертываются разнообразные, но одинаково типичные картины безобразий, неправд и произвола, безнаказанно совершающихся в самодержавно-крепостнической стране.

Для Радищева зло — не исключение, а правило самодержавно-крепостнического строя. Описывая частные проявления зла, неправды и насилия, Радищев неизменно указывает на их основной и неизбежный источник — самодержавную власть и так называемое крепостное право.

Радищев понимал, что крепостничество органически связано с самодержавием. Самодержавие наряду с крепостным рабством является второй основной мишенью книги Радищева.

Царь — «преступник изо всех первейший», главный виновник совершающегося зла — таково основное утверждение книги.

Центральным героем своего произведения Радищев сделал народ, который в его изображении — не безликая масса. На страницах «Путешествия» мы встречаем и сильных духом крестьян-пахарей, и крестьян-холопов, развращенных крепостным правом.

Осуждение уродливого быта и развращенных нравов самодержавно-крепостнической России неразрывно связано у Радищева с поисками правды и красоты, которую писатель находил в труде народа, в нравственном облике труженика.

В «Путешествии...» уделяется значительное внимание «волнениям сердца». Эта особенность нашла отражение и в языке книги, во внутренних монологах путешественника, в риторических вопросах, обращениях и восклицаниях.

Автор «Путешествия...» ясно сознавал новаторское значение своих усилий. Не только в области общественной мысли, но и в художественной литературе ему пришлось

Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах.

Радищев — ближайший предвестник великих русских писателей XIX века, для большинства которых обращение к свободолюбивой теме означало воскрешение радищевских традиций.

Просветительский реализм в России приобрел особое качество — «публицистичность», которое наиболее полно позволяло отразить идейную жизнь человека, его связи с миром всеобщего, его неприятие частного, эгоистического существования и одинокого счастья.

В более поздний период (конец XVIII в.) в России появилось еще одно направление — сентиментализм, который наряду с просветительским реализмом противостоял классицизму и способствовал демократизации литературы, хотя многое и разделяло эти два направления.

Реализм, раскрывая личность, связывал ее с окружающим миром и художественно осваивал идею зависимости характера от внешних обстоятельств.

Сентиментализм превозносил человека, его чувства, ставя внутренний нравственный мир выше внешних обстоятельств, власти и быта.

Русские писатели придерживались позиции синтезирования этих направлений, провозглашая объединительной идею любви к человеку — к его внешнему быту и духовному миру. Любовь к человечеству определяла нравственную и эстетическую позицию наиболее яркого представителя русского сентиментализма — Н. Карамзина.

Таким сложным и противоречивым был один из этапов (XVIII в.) становления русской литературы, ее путь к народности и национальной самобытности. Важная проблема всего XVIII века — синтез гуманистического и народного начал — решалась от Кантемира и Ломоносова до Пушкина и, обусловленная актуальностью исторического развития России, была подхвачена XIX веком.

Для самостоятельного чтения

Радищев А.Н. Ода «Вольность», «Путешествие из Петербурга в Москву».

Крылов И.А. Басни.

http://eduportal.uz

Михаил Васильевич ЛОМОНОСОВ

(1711–1765)

Человек исключительного ума, огромной силы воли, кипучей творческой энергии, неутомимой жажды деятельности Ломоносов считал, что долг каждого — трудиться не покладая рук для пользы общества, для блага народа, а если надо, героически отдать свою жизнь во имя Родины, торжества любимых идей. Он писал:

Какая польза тем, что в старости глубокой
И в тьме бесславия кончают долгий век!
Добротами всходить на верх хвалы высокой
И славно умереть родился человек.

Эти волнующие строки, написанные Ломоносовым, можно поставить эпиграфом к его собственной необыкновенной судьбе и беспримерной творческой деятельности.

Сын рыбака-помора Михаил Васильевич Ломоносов первые девятнадцать лет своей жизни провел на далеком Севере, в селе Денисовке, близ берегов Белого моря. Детские годы навсегда запечатлели в сознании Ломоносова величественные картины суровой полярной природы, дали превосходное знание сказок, былин, пословиц с их живым народным языком. Поездки с отцом в море на промысел развили в мальчике физическую силу и выносливость. Чувства независимости, личного достоинства, свойственные обитателям Поморья, не подавленных крепостным гнетом, составили драгоценнейшую черту его характера.

У одного из своих односельчан четырнадцатилетнему Ломоносову удалось достать учебники по грамматике и арифметике. Эти книги,

которые позднее он называл «вратами своей учености», он буквально выучил наизусть и страстно захотел продолжить учение. И вот тайком от отца, пристав к одному из обозов, преодолев многочисленные препятствия, поступает в тогдашнюю школу — Славяно-греко-латинскую академию. Насмешки товарищей по школе — «малых ребят» — над «болваном лет в двадцать», который «пришел латине учиться», скудное существование на три копейки в день не останавливают Ломоносова. Обнаруживая блестящие способности, невероятную настойчивость и трудолюбие, он окончил академию за пять лет вместо восьми.

Не удивительно, что когда в 1736 году школьное начальство получило указ направить в университет при Петербургской Академии наук «отроков добрых, которые бы в приличных к украшению разума науках довольное значение имели», выбор падает на Ломоносова. В этом же году его посылают из Петербурга в Германию для освоения горного дела. За границей Ломоносов изучает точные науки, философию, иностранные языки и овладевает всеми достижениями современной ему научной мысли. В 1741 году Ломоносов вернулся на родину и начал работать в Академии наук.

Одно из основных положений трактата Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» (1755 г.) связано с требованием существенно ограничить и упорядочить церковнославянские элементы в составе русского литературного языка.

Ломоносов разделил все слова русского языка на три «рода речений»:

1. Общеупотребительные в древности и в современности — Бог, слава, рука, ночи и т.п.

2. Малоупотребительные славянские слова — отверзаю, Господь, взываю и т.п.

3. Исконно русские слова — отсюда исключаются «презренные слова», т.е. низкие просторечные.

Соотношением церковнославянской и исконно русской лексики определяются Ломоносовым и «три штиля», за каждым из которых закрепляются определенные «поэтические» и «прозаические» жанры.

1. Высокий стиль должен состоять из первого и второго рода: героические поэмы, оды.

2. Средний стиль включает преимущественно «речения, больше в российском языке употребительные», но в нем могут употребляться славянизмы, а также «низкие слова».

Особенно в этом стиле нужно следить, чтобы «речение славянское» не оказалось «подле российского простонародного». Этим стилем могут быть написаны театральные сочинения, стихотворные дружеские письма, сатиры, элегии, а в прозе — исторические и научные произведения.

3. Низкий стиль состоит из речений второго рода совместно с речениями третьего рода, из него исключаются общеупотребительные славянизмы, но могут использоваться «простонародные низкие слова». Им пишутся комедии, увеселительные эпиграммы, песни, дружеские письма в прозе, описание обыкновенных дел.

Теорию «трех штилей» Ломоносова отличает прежде всего исторический принцип. Близостью русского языка и церковнославянского объясняет Ломоносов устойчивость и прочность во времени «российского языка».

Однако сам Ломоносов нарушает требование не смешивать просторечье с высокой лексикой.

Глубокое знание ярких памятников древнерусской и церковнославянской письменности, живой разговорной речи всех сословий Русского государства и его диалектов в сочетании с аналитическим умом ученого и большим поэтическим талантом дали Ломоносову возможность создать филологические работы, ставшие краеугольным камнем в процессе становления русского общенационального литературного языка. Значение ряда работ Ломоносова возрастает еще и потому, что в них вопросы лингвистического характера были тесно связаны с вопросами разработки форм художественной литературы.

ПОЭЗИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

Поэзия Ломоносова — одна из замечательных страниц в истории русской литературы. Его поэзия служила «приращению общей пользы», была подчинена заботам о развитии духовных и материальных нужд народа.

Поэтическое наследие Ломоносова достаточно разнообразно в жанровом отношении. В его творчестве можно найти произведения всех «трех штилей».

К низкому стилю относятся его сатирические и шуточные стихи, а также немногочисленные любовные песни и басни (притчи), к

среднему — надписи (преимущественно по поводу различных событий и эпизодов из государственной или придворной жизни), к высокому — торжественные (похвальные) оды, прозаические похвальные или благодарственные речи.

Две главы из героической поэмы «Петр Великий», трагедии «Тамира и Селим», «Демофонт» занимают промежуточное место между средним и высоким стилями.

Однако основное место в поэтическом творчестве Ломоносова принадлежало одическому жанру. И это вполне закономерно. По словам А.В. Западова, «жанр оды позволял соединить в большом стихотворении лирику и публицистику, высказаться по вопросам, имеющим государственное значение, и сделать это сильно, красиво, образно».

ОДЫ М.В. ЛОМОНОСОВА

Ода возникла в античной литературе. Как жанр ода означала написанную строфами лирическую хоровую песню торжественного, приподнятого, морализирующего характера. В классицизме ода стала ведущим жанром высокого стиля с каноническими темами, приемами, видами (Малерб, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо).

В России ода получила развитие в период классицизма в связи с тем, что эта эпоха провозгласила торжество общих интересов над личными. Именно этот жанр стал отвечать задачам эпохи национального единства. В русском классицизме ода — строгий жанр героической, гражданской лирики с обязательным «высоким содержанием и торжественным, возвышенным стилем его выражения».

Поэт в оде — носитель общенационального сознания, выразитель мыслей эпохи. Мысль поэта, развивающаяся в свободной импровизации, создавала ощущение «лирического беспорядка«, но это было только внешним впечатлением. Поэт, свободно переходя от одной мысли к другой, подчинял построение оды главной идее. Это и определило композиционное единство всех ее частей.

В композицию оды входили постоянные элементы: похвалы определенному лицу, нравоучительные рассуждения, предсказания, исторические и мифологические образы, обращения поэта к природе, музам.

Строилась ода подобно ораторской речи и имела обычно три части: приступ (введение темы); рассуждения (где тема развивалась с помощью примеров); заключение (обычно эмоционально сильное).

Различают несколько видов од:

— торжественные;

— духовные («пиндарические»);

— нравоучительные («горацианские»);

— любовные («анакреонтические»).

«Ода на день восшествия на всероссийский престол ея Величества государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» считается одним из лучших стихотворений Ломоносова в торжественном стиле. Написана она была по конкретному поводу: Российской Академии наук был «дарован» новый устав. Используя форму посвящения оды определенному лицу, Ломоносов раскрывает сокровенные свои мысли и мечты о пользе наук для процветания России, о необходимости их развития, о приобщении к ним талантливой молодежи.

Лирическое развитие главной темы в оде дано широко и свободно. Процветание государства, распространение знаний Ломоносов связывает в первую очередь с миром. Поэтому ода начинается с прославления «возлюбленной тишины», являющейся у Ломоносова синонимом к «златому миру». Умолкли звуки «губительныя брани». Наступила «возлюбленная тишина». Она прекрасна и «полезна», потому что несет окружающей природе, людям, государству «благо».

Вокруг тебя цветы пестреют,
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Мир — основное условие и для успехов просвещения. Так подходит Ломоносов к своей главной мысли, определяющей основной пафос оды. Она в утверждении «пользы наук», в необходимости для страны просвещения. Лирическое развитие этой темы составляет содержание центральной части оды, тематически распадающейся в свою очередь на несколько частей.

Петру Первому посвящает поэт несколько строк, так как он был первым, кто «призывает» «божественные науки» на русскую землю.

Ломоносов изображает его национальным героем, прославившим Россию победами на суше и на море.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.

В Елизавете, которой посвящена ода, поэт хочет видеть преемницу дел ее великого отца. Обращаясь к ней, он призывает монархиню направить «щедроты» на процветание своей «пространственной» державы, поощрить развитие наук:

Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью своей цветет.

Обращение к «верховной» власти сменяется горячими, страстными словами Ломоносова к российской молодежи, его призывом к неутомимому труду в овладении науками на благо отечества. Ода заканчивается энергичной строфой, в которой выражается взгляд самого Ломоносова на науку и ее место в жизни человека и общества:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наеди́не,
В покое сладки и в труде...

Это отношение к науке Ломоносов сохранит до конца жизни.

Ода Ломоносова своеобразна. Преобладает в ней метафорическая образность. Метафора или сравнение лежат в основе описания сражений, «портретов» монархов, природы. Именно они превратили

оду Ломоносова в поэтическое произведение. Восхваляя Елизавету, дочь Петра, Ломоносов уподобляет ее «восшествие» на престол заре, начинающей новый день. Метафорические образы давали не случайный, частный признак, а составляли общую характеристику данного явления, неся неизменный оттенок «высокости». «Божественные науки» простирали «чрез горы, реки и моря» в Россию руки и обращались к Петру с «речью».

Полнота использования поэтических средств сообщает одам Ломоносова торжественность, монументальность стиля, хотя его произведения не утрачивают и лирической интонации.

Особое место в творчестве М.В. Ломоносова занимают лирико-философские («Ночною темнотой покрылись небеса...», «Я знак бессмертия себе воздвигнул») и научно-философские («Вечернее размышление о Божьем Величестве», «О пользе стекла») стихотворения. В стихотворении «Я знак бессмертия себе воздвигнул» отразилось основное понимание Ломоносовым проблемы назначения поэта и поэзии. По преимуществу, данное стихотворение можно считать поэтическим завещанием потомкам. Не случайно эта тема впоследствии стала центральной темой всей русской поэзии (Г. Державин, А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, Н. Некрасов).

Само стихотворение М. Ломоносова представляет собой художественный перевод оды римского поэта Горация «К Мельпомене» с использованием мифологической образности. Но если Гораций считал себя достойным славы за то, что хорошо писал стихи, то Ломоносов — за открытие новых форм стиха:

Я буду возрастать повсюду славой ...
... Чтоб внесть в Италию стихи эольски ...

Свою бессмертную славу Ломоносов связывает со своим назначением поэта, и потому в заключительных строчках стихотворения он традиционно обращается к музе, видя в ней свое предназначение и славу:

Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

(Фрагменты)

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов
ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор
возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише
И зрак прекраснее рая́.

Когда на трон она вступила,
Как Вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв, облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем
услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам
приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный
час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный
лик! <...>

...Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он
вознес

Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес
<...>

...В толикой праведной
печали
Сомненный их смущался
путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ее
продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред
Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший
глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьем может
воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех
сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труд ее мешает
Плачевный побежденных
стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь
течет;
Богатство, в оных патаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Инди́я;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных
рук.
Сие злату́ очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук
<...>

...Широкое открыто поле,
Где музам путь свой
простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес
прославим
И знак щедрот твоих
поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет
храм;
Невежество пред ней
бледнеет.
Там влажный флота путь
белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через
воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить
<...>
...О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных
Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни
украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха

И в дальних странствах не
помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наеди́не,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранит
Во всех путях
беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих
сравнит.

1747

Вопросы и задания

1. В чем особенность и своеобразие русского классицизма?
2. В чем сказалось влияние традиций древнерусской литературы на развитие культуры Руси XVIII в.?
3. Какие еще западноевропейские направления, помимо классицизма, были внесены на русскую почву? В чем своеобразие русского просветительского реализма?
4. Что такое сентиментализм?
5. Какова роль М.В. Ломоносова в становлении национальной русской литературы?
6. Какое место занимает одический жанр в творчестве Ломоносова?
7. Расскажите стихотворение «Случились вместе два Астро́нома...». Какие сатирические элементы в творчестве Ломоносова разрушают каноны «классицизма»?
8. В чем основной пафос «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»?
9. Как развивается основная тема оды?
10. Как изображает Ломоносов в оде Петра Первого?
11. Каким было отношение Ломоносова к науке?
12. Что давало использование метафорических образов в оде?
13. Дайте общее понятие системы «трех штилей».

* 14. В чем система «трех штилей» следует традициям древнерусской литературы? В чем ее новизна?

15. Каково место М. Ломоносова в становлении и развитии русской культуры?

Для самостоятельного чтения

Ломоносов М. «Ночною темнотою покрылись небеса», «Я знак бессмертия себе воздвигнул», «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», «Случились вместе два Астро́нома в пиру...».

Советуем прочитать

Сизова М. Михайло Ломоносов.

Андреев-Кривич С.А. Может собственных Платонов... Юность Ломоносова.

Денис Иванович ФОНВИЗИН

(1745–1792)

Среди писателей последней трети XVIII века выдающееся место принадлежит Денису Ивановичу Фонвизину. Пушкин называл его «сатиры смелым властелином» и «другом свободы» («Евгений Онегин»), Белинский — «живой летописью» эпохи, считая, что Фонвизин сумел широко и правдиво нарисовать в своих произведениях современную ему русскую жизнь.

В Москве на доме № 15 по Рождественскому бульвару висит мемориальная доска, на которой написано, что в этом доме родился и жил по 1763 год Денис Иванович Фонвизин. «В доме нашем дурных людей не было», — писал впоследствии о годах своего детства писатель. Получив первоначальное образование под руководством своего отца, Фонвизин в 1755 году поступил в гимназию при только что открывшемся Московском университете, ставшем одним из очагов просветительской мысли. В стенах Московского университета началась и литературная деятельность писателя. Он пишет ряд сатирических произведений: посланий, басен, эпиграмм. По выходе из университета Фонвизин поступил на службу в Коллегию иностранных дел.

Продолжая интересоваться литературой и театром, Фонвизин посещает видного писателя Сумарокова, сближается с актерами, писателями и театральными деятелями, пишет стихотворения и обличительные комедии.

В 1776 году (по другим данным — в 1769 г.) Фонвизин написал комедию «Бригадир». Еще до постановки пьесы в театре Фонвизин читал ее в писательских кругах и в домах вельмож. О комедии

заговорили. На автора обратил внимание Н.И. Панин, руководивший тогда внешней политикой России. Фонвизин становится его ближайшим помощником.

Одной из основных тем комедии «Бригадир» является обличение низкопоклонства дворянства перед Западом, в частности перед всем французским. Фонвизин на примере сына бригадира — Иванушки показывает, какие плоды дает неправильное воспитание, к какому нравственному уродству оно приводит.

В 1782 году Фонвизин вышел в отставку. Освободившись от службы, он всецело отдается литературной работе. В этом же году Фонвизин завершил свою комедию «Недоросль», ставшую вершиной русской драматургии XVIII века.

В 1788 году Фонвизин предпринимает попытку начать издание журнала «Друг честных людей, или Стародум», но разрешения не получает.

Фонвизин начал писать воспоминания «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», но не закончил их: смерть прервала работу. Умер Д.И. Фонвизин 1 декабря 1792 года.

О КОМЕДИИ «НЕДОРОСЛЬ»

Фонвизин писал комедию «Недоросль» примерно три года. В ней он выступил подлинным новатором. Прежде всего «Недоросль» — первая общественно-политическая комедия в русской литературе. Драматург сумел превратить уголок поместного дворянства в общественную трибуну и осудить с нее иронией, смехом, сарказмом «злонравия достойные плоды».

«Недоросль» Фонвизина — произведение многотемное. Главными темами комедии являются следующие: тема крепостного права и его влияние на помещиков и на дворовых, тема отечества и службы ему, тема воспитания и тема нравов придворного дворянства. Все эти темы в 70—80-е годы были очень злободневны, и в комедии «Недоросль» Фонвизин разрешает их в социально-политическом аспекте, как прогрессивный писатель.

Идейный замысел комедии выражал взгляды лучших людей последней трети XVIII века и определил состав действующих лиц «Недоросля».

Комедия рисует типичных помещиков-крепостников (Простаковых, Скотининых), крепостных слуг (Еремеевну и Тришку), учителей (Цыфиркина, Кутейкина, Вральмана) и противопоставляет им таких передовых дворян, как Правдин (государственная служба), Стародум (область хозяйственной деятельности), Милон (военная служба).

Образ Софьи, умной и просвещенной девушки, содействует полному раскрытию невежества и своеволия госпожи Простаковой; с Софьей связана и вся происходящая в «комедии» борьба.

В основу сюжета комедии Фонвизин положил борьбу за Софью трех искателей ее руки — Скотинина, Митрофанушки и Милона.

Начав комедию со сцены примерки кафтана, Фонвизин вводит нас в быт дворянской усадьбы, знакомит с основными действующими лицами — семьей Простаковых и Скотининым. Это экспозиция пьесы, а уже в IV—VII явлениях первого действия наступает завязка действия: Софья получает письмо от Стародума, что изменяет первоначальный замысел Простаковой выдать Софью замуж за Скотинина. Богатая невеста Софья, считает Простакова, будет достойной женой Митрофанушки. Начинается борьба со Скотининым.

Второе и третье действия — развитие событий, в которые вовлекаются все действующие лица. Кульминационный момент приходится на конец четвертого действия, когда Простакова решает тайно похитить Софью и насильно обвенчать ее с Митрофанушкой.

В пятом действии дается двойная развязка: в III явлении Софья становится невестой Милона, а в IV кладется конец бесчеловечному обращению Простаковой с крепостными: имение поступает в опеку.

В последнем действии наносится самый тяжелый удар Простаковой: ее сын, ради которого она все делала, отталкивает ее. Заключающее пьесу восклицание Стародума: «Вот злонравия достойные плоды!» и выражает основную идею комедии.

В художественном стиле комедии заметна борьба классицизма и реализма, причем перевес явно на стороне реализма. Правила классицизма нарушаются в самом построении комедии: в «Недоросле», кроме смешных (комических), есть и драматические сцены (драма Простаковой в конце произведения). Кроме того, в комедию введены сцены, имеющие лишь косвенное отношение к основному действию (например, сцена с Тришкой и ряд других), но они понадобились автору для широкой и правдивой зарисовки картин

быта. Реалистичность и правдивость образов усиливается благодаря речевым характеристикам действующих лиц. Отрицательные герои комедии говорят живым, естественным, разговорным языком.

Язык комедии настолько ярок и меток, что некоторые выражения вошли в жизнь на правах пословиц: «Не хочу учиться — хочу жениться», «Вот злонравия достойные плоды». Победа реализма в комедии проявляется в изображении действующих лиц, особенно отрицательных. Это живые люди, а не олицетворение какого-либо одного качества, что характерно для произведений классицизма. Простакова, Скотинин, Митрофанушка настолько жизненны, типичны, что их имена превратились в нарицательные.

Классицизм сказывается в следующем: действие комедии развертывается в одном месте — в имении Простаковой («единство места»), в течение суток («единство времени»), объединено борьбой за Софью («единство действия»). Действующие лица в основном делятся на «положительных» и «отрицательных» и наделены «говорящими» фамилиями и именами.

Глубокой правдивостью, жизненностью отличаются образы Простаковой, ее сына Митрофанушки, Скотинина.

Образ Митрофанушки — образ огромной обобщающей силы. Имя Митрофанушки стало нарицательным. Само понятие «недоросль», означавшее до Фонвизина дворянского подростка, не достигшего 16 лет, стало синонимом круглого невежды, ничего не знающего и ничего не желающего знать.

Правдивы, жизненно убедительны в комедии образы домашних учителей Митрофана: Цыфиркина, Кутейкина, Вральмана. Причем, если образ Цыфиркина дан с явным сочувствием, то в образе Кутейкина больше отрицательного, например, жадность к деньгам. В сатирическом свете выведен в комедии немец Вральман, учитель-проходимец, человек с лакейской душой, бывший кучер Стародума.

Отрицательным персонажам Фонвизин противопоставляет группу положительных лиц, представителей просвещенного дворянства, близким ему по своим взглядам и деятельности. К ним относятся: Стародум, Правдин, Софья, Милон. Полнее всего раскрыт образ Стародума. Правдин, Милон и Софья своим поведением доказывают правоту взглядов Стародума и оттеняют злонравие Простаковых-Скотининых.

Комедия рисовала подлинные картины жизни, воспитывала гражданские чувства, звала к действию.

«Недоросль» Фонвизина является родоначальником русской «обличительно-реалистической» комедии, комедии социально-политической. Продолжая эту линию, в XIX веке появляются такие замечательные произведения, как «Горе от ума» Грибоедова и «Ревизор» Гоголя.

НЕДОРОСЛЬ

Комедия в пяти действиях

(Фрагменты)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Простаков.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофан, сын их, недоросль.

Еремеевна, мама[1] Митрофана.
Правдин.
Стародум.

Софья, племянница Стародума.

Милон.
Скотинин, брат г-жи Простаковой.

Кутейкин, семинарист.
Цыфиркин, отставной сержант.
Вральман, учитель.

Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

[1] Так в народе называли няню.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтан на Митрофане)*. Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремеевна отходит)*. Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришке)*. А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал; ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ища он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан *(вбегает)*. Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова *(испугавшись, с злобою)*. Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал. А разве ему и умереть нельзя! Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою

своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну да коли он не умирал?

Простаков. Избави боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова *(к мужу)*. Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто-таки и грешные-то мои молитвы не доходили! *(К Софье)*. Письмецо-то мне пожалуй. *(Почти вырывает)*. Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе письмо! Я доберусь. Вот до чего дожили. К деушкам письма пишет! деушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря Бога, не так воспитана! Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. *(К мужу)*. Читай.

Простаков *(долго смотря)*. Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю...

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин.

Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Вить от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит. Вить, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пока его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави Боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! Да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин.

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, — имени и отчества не знаю, — в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о вашем горе. *(К Правдину)*. Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин. Если вы приказываете. *(Читает)* «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известии. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощию счастия, нажил я десять тысяч рублей доходу...»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Правдин *(читает)*. «...которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею...»

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!
Простаков. Софью наследницею! } *(Вместе)*
Скотинин. Ее наследницею!

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя от радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама все-таки думала, что Бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин *(протянув руку)*. Ну, сестрица, скорей же по рукам.

Г-жа Простакова *(тихо Скотинину)*. Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя вытти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова. *(Софье)*. Софьюшка, душа моя! пойдем ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. *(Увела Софью)*.

Скотинин. Ба! так я вижу, что сегодня сговору-то вряд и быть ли. <...>

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, так теперь хоть по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! Того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись)*. Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Вить здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова *(вне себя)*. Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волоски ему не вцепился. А ни за что... ни про что...

Г-жа Простакова *(в злобе)*. Ну...

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берет. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова *(дрожа)*. Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестия! По тебе ребенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту же минуту отойти не изволил, то я б с ним поломалась. Вот что б Бог не поставил. Притупились бы эти *(указывая на ногти)*, я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна *(заплакав)*. Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалеешь... а все не угодно.

Кутейкин. Нам восвояси повелите?

Цыфиркин. Нам куда поход, ваше благородие? *(Вместе)*

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. *(К Митрофану)*. Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу тебе нещечко, так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря Бога, столько уж смыслишь, что и сам взведешь деточек. *(К Еремеевне)*. С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и мать родная! *(Отходит с Митрофаном)*.

Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромешная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку...

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна *(в слезах)*. Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость все та же...

Кутейкин. А велика ли благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в круглый год.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ II

Софья и Стародум.

Стародум. А! ты уже здесь, друг мой сердечный!

Софья. Я вас дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародум. Какую?

Софья. Французскую. Фенелона, о воспитании девиц.

Стародум. Фенелона? Автор Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет. Я боюсь для вас нынешних мудрецов. Мне случилось читать из них все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняют сильно предрассудки, да воротят с корню добродетель. Сядем. *(Оба сели.)* Мое сердечное желание видеть тебя столько счастливу, сколько в свете быть возможно.

Софья. Ваши наставления, дядюшка, составят все мое благополучие. Дайте мне правила, которым я последовать должна. Руководствуйте сердцем моим. Оно готово вам повиноваться.

Стародум. Мне приятно расположение души твоей. С радостью подам тебе мои советы. Слушай меня с таким вниманием, с какою искренностию я говорить буду. Поближе.

Софья подвигает стул свой.

Софья. Дядюшка! Всякое слово ваше врезано будет в сердце мое.

Стародум *(с важным чистосердечием)*. Ты теперь в тех летах, в которых душа наслаждаться хочет всем бытием своим, разум хочет знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь в свет, где первый шаг решает часто судьбу целой жизни, где всего чаще первая встреча бывает: умы, развращенные в своих понятиях, сердца, развращенные в своих чувствах. О мой друг! Умей различить, умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была б надежною порукою за твой разум и сердце.

Софья. Все мое старание употреблю заслужить доброе мнение людей достойных. Да как мне избежать, чтоб те, которые увидят, как от них я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Но можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтоб мне никто на свете зла не пожелал?

Стародум. Дурное расположение людей, недостойных почтения, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желают тем, кого презирают; а обыкновенно желают зла тем, кто имеет право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтоб были в свете такие жалкие люди, в которых дурное чувство родится точно оттого, что есть в других хорошее. Добродетельный человек сжалиться должен над такими несчастными.

Стародум. Они жалки, это правда; однако для этого добродетельный человек не перестает идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели б солнце перестало светить для того, чтоб слабых глаз не ослепить.

Софья. Да скажите ж, мне, пожалуйста, виноваты ли они? Всякий ли человек может быть добродетелен?

Стародум. Поверь мне, всякий найдет в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно, а там всего будет легче не делать того, за что б совесть угрызала.

Софья. Кто ж остережет человека, кто не допустит до того, за что после мучит его совесть?

Стародум. Кто остережет? Та же совесть. Ведай, что совесть всегда, как друг, остерегает прежде, нежели как судья наказывает.

Софья. Так поэтому надобно, чтоб всякий порочный человек был действительно презрения достоин, когда делает он дурно, знав, что делает. Надобно, чтоб душа его очень была низка, когда она не выше дурного дела.

Стародум. И надобно, чтоб разум его был не прямой разум, когда он полагает свое счастье не в том, в чем надобно.

Софья. Мне казалось, дядюшка, что все люди согласились, в чем полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародум. Так, мой друг! И я согласен назвать счастливым знатного и богатого. Да сперва согласимся, кто знатен и кто богат. У меня мой расчет. Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. Мой знатный человек, конечно, счастлив. Богач мой тоже. По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.

Софья. Как это справедливо! Как наружность нас ослепляет! Мне самой случалось видеть множество раз, как завидуют тому, кто у двора ищет и значит <...>

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Правдин и Милон.

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум *(в сторону)*. Милон.

Милон. Я почту за истинное счастье, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей...

Стародум. Граф Честан не свойственник ли ваш?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдает вам всю справедливость. Особливые достоинства...

Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моем положении было бы непростительное высокомерие считать все то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперед уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей...

Стародум оглядывается на Софью.

Софья *(тихо Стародуму и в большой робости)*. И матушка любила его, как сына.

Стародум *(Софье)*. Мне это очень приятно. *(Милону.)* Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша...

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение еще не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою...

Милон. Я подвергал ее, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я еще никакого случая, испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чем же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодною кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, следовательно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убояся ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, пред тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нем клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так...

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини мое простосердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в мое воспитание. В твоем вижу и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещенным.

Милон. Душа благородная!.. Нет... не могу скрывать более моего сердечного чувства... Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливо, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность.

Стародум *(к Софье, с радостью)*. Как! Сердце твое умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. *(В восхищении соединяя их руки.)* От всей души моей даю вам мое согласие.

Милон *(обнимая Стародума.)* Мое счастье несравненно!

Софья *(целуя руки Стародумовы.)* Кто может быть счастливее меня!

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Мое удовольствие неизреченно!

Милон *(целуя руку Софьи)*. Вот минуты нашего благополучия!

Софья. Сердце мое вечно любить тебя будет.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин, Митрофан, Еремеевна.

Стародум *(к Правдину, держа руки Софьи и Милона)*. Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать сына)*. Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты? И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! *(Упала в обморок.)*

Софья *(подбежав к ней)*. Боже мой! Она без памяти!

Стародум *(Софье)*. Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин *(Митрофану)*. Негодник, тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Да она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум *(Еремеевне)*. Что она теперь? Что?

Еремеевна *(посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками)*. Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин *(Митрофану)*. С тобой, дружок, знаю, что делать. Пошел-ка служить...

Митрофан (*махнув рукой*). По мне, куда велят!

Г-жа Простакова (*очнувшись, в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонравия достойные плоды!

1781

Вопросы и задания

1. Расскажите о своеобразии взглядов Д.И. Фонвизина.
2. Какова проблематика комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»?
3. Раскройте специфику построения образной системы «Недоросля». Герои «положительные» и «отрицательные». С чем связана такая структура — с канонами какого литературного направления?
4. Выразителем чьих интересов является Стародум в комедии «Недоросль»?
5. Как отражена в комедии проблема «воспитания»? В русле каких традиций мыслит Фонвизин?
6. Раскройте основной конфликт комедии «Недоросль».
7. Что нового внес в жанр комедии Д.И. Фонвизин?
8. Какие основные темы поставлены в комедии и как они разрешаются?
9. С чем связан выбор Фонвизиным приема «говорящих» имен в комедии?
10. Какие афоризмы Стародума представляются вам интересными и важными сегодня?
11. Каково место комедии Фонвизина «Недоросль» в литературном процессе XVIII века?

Советуем прочитать

Муратов М.В. Денис Иванович Фонвизин.

ЛИТЕРАТУРА I ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Развитие русской литературы XIX века. Общественное сознание, отраженное в художественной литературе, создало многообразие противоречивых тенденций, таких литературных течений, как сентиментализм, классицизм, романтизм, реализм, и нашло свое яркое отражение в литературе XIX века. Порой эти направления сосуществовали в одном произведении. И именно способность к синтезированию породила такое обилие гениев и гениальных произведений в русской литературе XIX века — Пушкин, Карамзин, Лермонтов, позднее Толстой, Достоевский, Чехов, Островский и др.

Основные направления и течения русской литературы, общественной мысли первой четверти XIX века. Наиболее распространенным жанром русской литературы 1800-х годов становится «чувствительная», **сентиментальная** повесть (сказывается сильное влияние Карамзина на литературный процесс XIX в.). Герой сентиментальной повести — «чувствительный», живущий по зову сердца, добрый и нежный, самый обыкновенный человек.

Карамзин — общепризнанный глава русского сентиментализма, однако в его более позднем творчестве появляются элементы просветительского реализма. Философия Просвещения уже в начале XIX века находила своих русских приверженцев в «век Екатерины» как высшее достижение западноевропейской мысли, преимущественно французской.

Влияние западноевропейской культуры сказывается и на двуязычии русской литературы, поскольку большое количество переводных текстов изменяли стилистику и лексику русского языка.

В поэзии Жуковского нашла свое высшее выражение идейно-стилевая тенденция карамзинского периода русской литературы, подготовившая почву для «всемирности» Пушкина и обретшая в его творчестве качество подлинной народности, т.е. национальной выразительности.

И уже в первой четверти XIX века в качестве более или менее оформленного явления в русской литературе возникает **романтизм.** И Байрон, с его бескомпромиссным свободолюбием и философским пессимизмом лиро-эпического героя, становится властителем дум первого поколения русских романтиков, поколения Пушкина и декабристов. Уже охваченное романтическими веяниями, оно вместе с тем оставалось верным оптимизму просветительских идеалов с гражданско-патриотическими традициями «высокого» стиля русского классицизма.

Жуковский и его последователи создали в русской литературе характер романтической личности, не приемлющей социальную действительность, но и бессильной бороться с ее злом, хотя и духовно от нее независимой, неизменно тоскующей по заключенному в собственной душе идеалу добра и красоты и возвышенно чистой своей духовной непримиримостью с доминирующим в мире злом. Одновременно большой вклад в создание психологизированного и индивидуализированного поэтического стиля внес К.Н. Батюшков. И этим определяется его место в истории русской литературы.

Русская литература 30—40-х годов XIX века. Начало этого периода, вопреки усилению общественно-политической реакции николаевского режима, является периодом ярчайшего развития русской литературы. Это время расцвета творчества Пушкина, а также Лермонтова. Писателем 30-х годов является и Гоголь. К этому же времени относится первый этап критической деятельности Белинского.

В литературе этого периода нашли свое отражение споры вокруг проблемы народности литературы, об истинном просвещении, об отношении к западноевропейской культуре, о различном понимании нравственного идеала и т.п.

Общей чертой всего литературного движения 30-х годов является переход от романтизма к реализму, который характеризует весь литературный процесс следующих пятнадцати лет, завершающийся появлением «Героя нашего времени» и «Мертвых душ», потрясших всю Россию своей беспощадной правдой. Но уже в 40-е годы важнейшим явлением стало возникновение натуральной школы, появление которой было исторически обусловлено сближением литературы с жизнью, подготовленное творчеством Пушкина, Лермонтова и, в особенности, Гоголя.

Александр Сергеевич ГРИБОЕДОВ

(1795–1829)

Александр Сергеевич Грибоедов был одним из самых замечательных людей своего времени по глубине ума и таланта, по многосторонности и учености. После его смерти А.С. Пушкин с горечью писал: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок... замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов».

А.С. Грибоедов родился в Москве, в старинной дворянской семье. Исключительно способный и одаренный, он получил блестящее образование. К семнадцати годам он со степенью кандидата окончил два факультета: словесный и юридический — и учился на третьем — естественно-математическом, закончить который ему помешала Отечественная война 1812 года. Патриотические чувства побудили его оставить занятия и поступить на военную службу.

После окончания войны он служил в Коллегии иностранных дел. Жизнь в Петербурге сблизила Грибоедова с передовыми людьми эпохи: Пушкиным, Чаадаевым и многими будущими декабристами. Он разделял их убеждения — необходимость изменить государственный строй России и прежде всего уничтожить крепостное право. Сочувствие к идеям декабристов сказалось уже в ранних литературных опытах Грибоедова. В 1817 году в соавторстве с П.А. Катениным он написал комедию «Студент», в которой высмеивались крепостные нравы помещиков и военных. Сатирические портреты провинциальных дворян есть и в комедии «Своя семья или замужняя невеста», написанной в 1818 году в соавторстве с А.А. Шаховским. Самостоятельного художественного значения эти произведения не имели. Для Грибоедова они были пробой пера, дальними подступами к комедии «Горе от ума», замысел

которой, видимо, возник еще в 1816 году. Для осуществления этого замысла понадобилось несколько лет.

В 1818 году А.С. Грибоедов был послан в Персию в составе русской дипломатической миссии и жил там до 1822 года, когда ему удалось добиться перевода на Кавказ. Приехав весной 1823 года в отпуск в Москву, он привез с собой первые два акта комедии «Горе от ума», а закончил ее в 1824 году в Петербурге. Чтение комедии имело огромный успех, но ни напечатать ее, ни поставить на сцене при жизни автора не удалось. И все же она разошлась по России в рукописных списках и получила широкую известность, особенно среди декабристов.

В этот свой приезд в Петербург Грибоедов сблизился с К.Ф. Рылеевым, А.А. Бестужевым, А.И. Одоевским — виднейшими деятелями Северного общества. Возвращаясь на Кавказ в сентябре 1825 года, он встретился в Киеве и с членами Южного общества декабристов. Однако, разделяя ненависть декабристов к самодержавию и крепостному праву, Грибоедов не верил в успех заговора, столь далекого от народных масс. Ему принадлежит ироническая фраза: «Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России».

Непосредственным участником восстания 14 декабря 1825 года Грибоедов не был. В то время он снова служил на Кавказе. В январе 1826 года его арестовали и привезли в Петербург. Доказать его принадлежность к тайному обществу царской следственной комиссии не удалось: после четырех месяцев ареста он был освобожден с «очистительным аттестатом» и даже возвращен на дипломатическую службу, хотя по приказу Николая I за ним был установлен тайный надзор полиции.

По окончании русско-персидской войны 1826–1828 годов А.С. Грибоедов участвовал в выработке условий Туркманчайского мирного договора, очень выгодного для России, и привез подписанный персидским шахом текст этого договора в Петербург. В «награду» он был назначен полномочным министром-резидентом в Персию. Николай I посылал опасного писателя на верную смерть. В напряженных взаимоотношениях России и Персии почетная должность полномочного министра была очень опасна. Это отчетливо понимал Грибоедов, вынужденный принять царскую милость. Он прощался с Петербургом, полный мрачных предчувствий.

По пути в Персию он остановился в Тифлисе. Здесь Александр Сергеевич женился на дочери известного грузинского поэта Нине Чавчавадзе. Прожив некоторое время в Тавризе, Грибоедов вынужден был оставить там жену и поехать в столицу Персии Тегеран, чтобы добиться от шаха своевременной выплаты контрибуции. Чем настойчивее требовал русский посол точного выполнения мирного договора, тем сильнее противодействовало ему персидское феодальное правительство, на которое оказывал давление посол Англии, не желавший делить с Россией свое влияние в этой стране.

30 января 1829 года фанатичная толпа, спровоцированная персидскими сановниками, напала на здание русского посольства в Тегеране. Во главе с Грибоедовым члены посольства мужественно сопротивлялись, но 37 человек были убиты. В числе спасшихся был секретарь посольства Мальцев, который и рассказал о последних часах жизни писателя. «Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетной пулею»,— так пишет о нем Пушкин в «Путешествии в Арзрум».

А.С. Грибоедова похоронили в Тифлисе. На могиле его жена поставила памятник с трогательной надписью: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

О КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА»

А.С. Грибоедов знаменит как творец одного произведения, но столь значительного в истории русской литературы, что уже одно это произведение обессмертило его имя. За долгие годы комедия не устарела. Комедия «Горе от ума» с момента своего появления и до нашего времени является предметом спора.

Комедия очень многогранна. В небольшом по объему произведении, где изображен всего один день в доме московского барина Фамусова, Грибоедов затрагивает многие важнейшие вопросы своего времени: о крепостном праве, о просвещении и воспитании, о гражданском долге и службе, о национальной культуре. Острый политический характер комедии, ее злободневность в сочетании с блестящей художественной формой определили ее необыкновенный успех.

Композиция и сюжет. В.К. Кюхельбекер, говоря о простоте и четкости композиции комедии «Горе от ума», писал: «В «Горе от ума»

вся завязка состоит в противоположности Чацкого прочим лицам ... Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов, — и только. Это очень просто, но в сей-то именно простоте — новость, смелость ...»

Сам Грибоедов утверждал, что план его комедии «прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку... в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека; и этот человек разумеется в противоречии с обществом, его окружающим ...»

На первый взгляд действительно может показаться, что главное в сюжете комедии — история любви Чацкого к Софье.

Однако проследим за развитием сюжета комедии. Перед нами проходят первые сцены в доме Фамусова (экспозиция пьесы). Они знакомят нас с одними действующими лицами (Фамусов, Софья, Молчалин, Лиза) и подготавливают появление других (Чацкий, Скалозуб). Приоткрывая взаимоотношения действующих лиц, драматург вводит нас в быт дворянской семьи.

Непосредственное развитие сюжета начинается с первого появления Чацкого. Читатель подготовлен к восприятию Чацкого характеристикой Лизы: «Кто так чувствителен, и весел, и остер, как Александр Андреич Чацкий!» Софья же говорит о Чацком с раздражением, вспоминает, что «он славно пересмеять умеет всех». И в эту самую минуту в комнату почти вбегает Чацкий; он спешит увидеть Софью: «Чуть свет — уж на ногах! И я у ваших ног», — звучат первые слова Чацкого. Чацкий сразу же завоевывает симпатии читателей, ведь такая искренность, любовь и радость от встречи звучат в его восклицаниях, но уже чувствуется предчувствие беды: ведь Софья-то любит Молчалина.

Чацкий хоть немного и смущен холодным приемом Софьи, но счастлив, говорлив, спрашивает о старых знакомых, упомянул с едкой усмешкой о Молчалине, не подозревая ни о чем. Этим Чацкий вызвал бурю негодования в душе Софьи — «Не человек, змея!» — говорит она в сторону, и восстановил ее против себя.

Происходящее в первых сценах с Чацким получит свое дальнейшее развитие в пьесе: любовь к Софье приведет его к разочарованию, насмешливое отношение к московскому барству вырастет в конфликт с обществом.

Во II действии намеки Фамусова на сватовство Скалозуба и обморок Софьи из-за падения Молчалина с лошади ставят Чацкого перед мучительным вопросом: неужели Софье мил кто-то из этих двух: Скалозуб — олицетворение тупой военщины или «жалчайшее созданье» Молчалин? Одновременно во II действии завязывается глубокий, общественный конфликт, вытекающий из спора Чацкого с Фамусовым, — сталкиваются два мировоззрения, два лагеря.

Общественный конфликт определился и требует своего разрешения: любовь Чацкого к Софье столкнулась с горькой загадкой, на которую он должен найти ответ.

В III действии развитие сюжета достигает огромного напряжения. Софья ясно дает понять Чацкому, что она его не любит, признается в любви к Молчалину, а о Скалозубе говорит, что он герой не ее романа. На первый взгляд — загадка решена, все выяснилось. Но беда в том, что Чацкий не верит Софье, он не понимает, ослепленный любовью, как Софья может любить такое ничтожество, как Молчалин. Действительно, у Чацкого «ум с сердцем не в ладу». Неверие это укрепляется в Чацком после его разговора с Молчалиным, определяющим последнего как чинопоклонника и дельца.

Продолжая свои резкие выпады против Молчалина, Чацкий все больше раздражает оскорбленную за любимого Софью. И именно она, сначала случайно, а потом намеренно, пускает слух о сумасшествии Чацкого, который с молниеносной быстротой распространился в обществе. Сплетня и сама по себе заинтересовала людей, и попала на подготовленную почву, ведь Чацкий к этому моменту успел вооружить против себя не только домочадцев Фамусова, но и многих из гостей. Грибоедов с потрясающим мастерством раскрывает причины того, почему все фамусовское общество восстало против Чацкого: оно почувствовало в нем своего идейного врага, человека, протестующего против его морали. Так развитие действия достигает своей вершины — кульминации.

Развязка наступает в IV действии. Чацкий узнает о клевете и тут же оказывается очевидцем сцен между Софьей, Молчалиным и Лизой. «Вот, наконец, решение загадки! — восклицает Чацкий. — Вот я пожертвован кому!» Но его ждет еще последний удар — он узнает о роли Софьи в клевете на него. Тут и наступает окончательное прозрение и разочарование. С огромной внутренней болью и силой

обличения Чацкий произносит свои последние слова, не щадя ни фамусовского общества, ни Софьи, ни себя.

Оба конфликта приведены к концу: столкновение с обществом завершается разрывом, крушение любви очевидно. И ум, и любовь принесли Чацкому одно горе. Он покидает Москву.

Порок не наказан, добродетель не торжествует в комедии, однако у читателя остается впечатление моральной победы, одержанной Чацким.

Множество действующих лиц, то быстрый, то замедляющийся ход действия, неожиданная смена событий, обилие кратких, но выразительных эпизодов — все это было необычно, ново и поражало современников.

Комическое переплетается и сочетается в пьесе с трагическим. Достаточно проанализировать развязку пьесы, чтобы убедиться в этом.

В комедии нет ничего лишнего: ни одного лишнего лица, ни одной лишней сцены, ни единого напрасного штриха. Смело введя в комедию множество внесценических (упоминаемых) лиц, Грибоедов расширил границы дома Фамусовых, границы времени, затронул век царствования Екатерины II, придворные круги, петербургскую знать.

Главные действующие лица даны крупным планом, второстепенные — дополняют картину, а внесценические образы расширяют ее границы.

Чацкий и Софья. Главный герой комедии — Чацкий. Он служил в Коллегии иностранных дел, но не поладил с начальством («служить бы рад — прислуживаться тошно»), занимался литературой; Фамусов о нем говорит: «славно пишет, переводит», был на военной службе. Позже уехал за границу, странствия по чужим краям обогатили его, но не сделали поклонником всего иностранного. Через три года Чацкий возвращается в Москву, приезжает в дом Фамусова, куда привела его любовь к Софье. Любовь Чацкого к Софье — чувство горячее, искреннее. Тяжело переживает он разочарование в любимой девушке, в запальчивости он может быть и несправедлив, но от этого образ Чацкого делается нам ближе, правдивее.

Кто же такая Софья, которую так страстно любит Чацкий?

Замечательно точно сказал о ней Гончаров: «Это смесь хороших инстинктов с ложью, живого ума с отсутствием всякого намека на идеи и убеждения, — путаница понятий, умственная и нравственная

слепота — все это не имеет в ней характера личных пороков, а является как общие черты ее круга». Личная драма Чацкого осложнена общественной, ожесточая Чацкого против всей дворянской Москвы.

Чацкий и Фамусов. Фамусов и Чацкий — две большие эпохи, «век нынешний» и «век минувший». Фамусов — главный противник Чацкого, защитник самодержавно-крепостнических порядков. Его высказывания о книгах, о службе; оценка людей по чинам и богатству создают определенное представление о Фамусове. Совсем иным предстает Чацкий перед нами в I действии: искренний, оживленный свиданием с Софьей, остроумный, он посмеивается над Фамусовым, остро вышучивает жизнь и времяпрепровождение московских дворян фамусовского круга. Так намечается почва для идейного конфликта между Фамусовым и Чацким, который и наступает во II действии. В их споре проявляется несогласие решительно по всем вопросам.

Фамусов пытается поучать Чацкого: «Именьем, брат, не управляй оплошно. А главное — поди-тка послужи», — причем убеждает служить «на старших глядя» — таких, как его дядя — Максим Петрович, который лестью и низкопоклонством снискал расположение императрицы. «Служить бы рад, прислуживаться тошно», — отвечает Чацкий на это предложение. Чацкий защищает право человека свободно выбирать себе занятие, он уважает простых людей, называя русский народ «умным, бодрым». В обличительных монологах («А судьи кто?.. и др.) Чацкий поднимается до высокого гражданского пафоса.

Защитник самодержавно-крепостнического строя Фамусов, восхищаясь старыми порядками, боится таких людей, как Чацкий, потому что они посягают на тот строй жизни, который является основой его благополучия.

Различие во взглядах, культуре, морали ярко проявляются и в речи Фамусова и Чацкого. Так Грибоедов противопоставляет «век нынешний веку минувшему».

Образ Молчалина. Если Фамусов и Чацкий — люди разных поколений, то Молчалин и Чацкий — ровесники. Тем резче контраст между ними.

Молчалин беден и безроден, но он поставил перед собой цель достичь «степеней известных». Он знает, как ему надо себя вести, и определяет свою тактику:

Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Сам Молчалин говорит, что у него два таланта — умеренность и аккуратность. Прикидываясь влюбленным в Софью, он рассчитывает на ее поддержку — ведь она дочь его начальника. Молчалин считает, что в его лета «не должно сметь свое суждение иметь. «Молчалины блаженствуют на свете», — с горечью говорит Чацкий о жизненных приспособленцах, практицизм которых возводится в принцип, культивируемый в дворянском обществе.

Образ Скалозуба. Скалозуб, как и Молчалин, стремится к чинам. На военной службе он добрался до звания полковника, но цель его жизни — стать генералом. Скалозуб олицетворяет собой тупую аракчеевскую военщину, он не в состоянии связно выразить свою мысль. Например, свое мнение о Москве он определил так: «Дистанции огромного размера». Скалозуба интересуют только чины и награды, муштра, команда, фрунт. Он любит сплетни и охотно их пересказывает. О чем бы ни шла речь, он говорит языком команды и военного рапорта. Духом казармы пропитаны и его шутки. Когда Фамусов спрашивает, кем ему доводится Настасья Николаевна, Скалозуб отвечает: «Не знаю-с, виноват; мы с нею вместе не служили». Острую, похожую на эпиграмму, характеристику Скалозуба дает писатель устами Чацкого: «Хрипун, удавленник, фагот, созвездие маневров и мазурки». Таким самовлюбленным, тупым поклонником палочной муштры предстает в комедии полковник Скалозуб.

Идейное содержание комедии и ее значение. Богатое идейное содержание комедии «Горе от ума» раскрылось в ярких, реалистических образах. Грибоедов, изобразив целостную картину жизни барской Москвы, убедительно показал, чем порождены пороки людей, их взгляды, отношение к жизни. Именно крепостническая действительность породила жестокость, самодурство одних и приниженность, низкопоклонство, безгласие других. Но эта же действительность породила и бунтарей, возмутителей спокойствия.

В комедии «Горе от ума» принципиально новое решение проблемы положительного героя Грибоедов рисует в образе главного героя Чацкого как сложной, многогранной личности, наделяя ее разнообразными чувствами: герой умен, остроумен, весел, нежен, вспыльчив, решителен. Автор раскрывает психологию положительного героя, обусловленную средой и духом времени.

Грибоедов ввел в пьесу разговорный язык, умело соединив его с литературным. Язык пьесы изобилует меткими выражениями. Автор показал себя в комедии мастером афоризмов. Многие выражения из пьесы стали крылатыми, благодаря своей меткости и силе, и перешли со страниц комедии в живую речь, обогатив ее.

Крылатые выражения в пьесе служат одним из средств характеристики действующих лиц: «Ах, злые языки страшнее пистолета» (Молчалин), «Ну как не порадеть родному человечку», «Уж коли зло пресечь: забрать все книги бы да сжечь» (Фамусов), «Ученостью меня не обморочишь» (Скалозуб), «Пустое, рабское, слепое подражанье», «Служить бы рад, прислуживаться тошно» (Чацкий). Нередко автор устами одного персонажа дает меткую характеристику другого: «И золотой мешок, и метит в генералы» (Лиза о Скалозубе). «Дойдет до степеней известных, ведь нынче любят бессловесных» (Чацкий о Молчалине).

«Горе от ума» написано разностопным ямбом — от шестистопного до одностопного. Уже в первых 4 стихах комедии наблюдается это разнообразие:

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула! (5)
Вчера просилась спать — отказ. (4)
«Ждем друга». — Нужен глаз да глаз (4)
Не спи, покудова не скатишься со стула (6)

В другом месте четырехстопный ямб сменяется одностопным:

...Мне дайте убедиться в том (4)
Потом... (1).

Стих комедии передает ритм живой речи во всем разнообразии ее оттенков. Так же свободно, используя разные способы и порядок рифмовки, Грибоедов обращается с рифмой. Это и придает языку комедии живой, разговорный характер. В этой свободе и разнообразии — прелесть вольного стиха «Горя от ума».

«Нельзя представить себе, — писал Гончаров в статье «Мильон терзаний», — чтоб могла явиться когда-нибудь другая, более

естественная, простая, более взятая из жизни речь. Проза и стих слились здесь во что-то передельное, затем, кажется, чтобы их легче было удержать в памяти и пустить опять в оборот весь собранный автором ум, юмор, шутку и злость русского ума и языка». Комедия «Горе от ума» и сейчас не утратила своей общественной, нравственной и художественной силы, войдя в сокровищницу многонациональной культуры.

ГОРЕ ОТ УМА

Комедия в четырех действиях, в стихах

(Фрагменты)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.
София Павловна, его дочь.
Лизанька, служанка.
Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.
Александр Андреевич Чацкий.
Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.
Наталья Дмитриевна, молодая дама. } Горичи.
Платон Михайлович, муж ее. } Горичи.
Князь Тугоуховский и
Княгиня, жена его, с шестью дочерями.
Графиня бабушка } Хрюмины.
Графиня внучка } Хрюмины.
Антон Антонович Загорецкий.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.
г.N*.
г.D*.
Репетилов.
Петрушка и несколько говорящих слуг.
Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.
Официанты Фамусова.

Действие в Москве, в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ I

[Утро в доме Фамусовых. Лизанька охраняет покой своей хозяйки Софии, которая всю ночь напролет беседовала и музицировала в обществе Молчалина. Входит Фамусов, Лизанька делает все, чтобы предупредить Софию об опасности разоблачения. Молчалин выходит из комнаты Софии, но не успевает выйти из женской половины дома и сталкивается с Фамусовым. Фамусов выражает недовольство присутствием своего секретаря в этой части дома. София, чтобы отвлечь отца, рассказывает ему свой сон, пытаясь узнать отношение Фамусова к герою ее сновидения — бедному и незнатному человеку, имея в виду Молчалина. Фамусов и Молчалин удаляются. София и Лизанька обсуждают происшедшее. Слуга докладывает о приходе Чацкого.]

ЯВЛЕНИЕ 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради[1]? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни на́ волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся, — ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах, Чацкий, я вам очень рада. <...>

---

[1] *Ради* (стар.) — рады.

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, — не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? все Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю как его зовут,
Куда ни сунься: тут, как тут.
В столовых и в гостиных?
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц

Чацкий

Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен![2]

<...>

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 2

Фамусов, Слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чацкий

Вы заняты.

Фамусов *(Слуге)*

Поди.
(Слуга уходит)

---

[1] Речь идет о московском театрале Познякове.

[2] Не совсем точная цитата из стихотворения Г.Р. Державина «Арфа» (1798); восходит к «Одиссее» Гомера и латинской пословице.

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди. —

Чацкий

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне в присядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова?

Фамусов

Тьфу, Господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься:
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем не кивнут.
Вельможа в случае — тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкий:
Был высочайшею пожалован улыбкой;

Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго́рядь — уж нарочно, —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, — ну-тка! —

Чацкий

И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея! <...>

ЯВЛЕНИЕ 5

(Фрагмент)

Фамусов
(*Чацкому*)

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.

(*Скалозубу*)

Позвольте, батюшка. Вот-с — Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:

Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти — так был бы деловой,
Жаль, очень жаль, он малый с головой;
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все также осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где? укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому, в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли, вы к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?

Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот еще? который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!
Вот те, которые дожи́ли до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам Бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким
и прекрасным,
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!! —
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора

Сюда на время приезжали,
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов

(про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит)

[Скалозуб отвечает репликой на монолог Чацкого. София видит из окна, как Молчалин падает с лошади и теряет сознание. Всеобщее смятение, попытки привести Софию в чувство. Чацкий догадывается об отношениях Софии и Молчалина и удаляется. София приглашает Скалозуба на вечер.]

ЯВЛЕНИЕ 11

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? Не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор,
И если б не к лицу, не нужно перевязки,

А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас,
И Скалозуб, как свой хохол закру́тит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

Софья

А кем из них я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалин, будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.—

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

Софья

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко к вам прыгну́ть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно?— пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

Софья

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим,

Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, — с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах:
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен — на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда Бог Чацкого принес!

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви — играть ей в жмурки,
А мне...

(Входит София)

Вы здесь? я очень рад.
Я этого желал.

С о ф и я

(про себя)

И очень невпопад.

Ч а ц к и й

Конечно не меня искали?

С о ф и я

Я не искала вас.

Ч а ц к и й

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет,
Кого вы любите?

С о ф и я

Ах! Боже мой! весь свет.

Ч а ц к и й

Кто более вам мил?

С о ф и я

Есть многие, родные.

Ч а ц к и й

Все более меня?

С о ф и я

Иные.

Ч а ц к и й

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в пе́тлю лезть, а ей смешно.

С о ф и я

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,

Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например...

<...>

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да этакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль — смысл этого всего?

(В сторону)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,

Чужих и вкривь и вкось не рубит, —
Вот я за что его люблю.

Чацкий *(в сторону)*

Шалит, она его не любит.

(Вслух)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? Вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

Софья

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? Кто разгадает вас?

<...>

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж! Ума в нем только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

(Входит Молчалин)

Вон он на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему)

Нам, Алексей Степаныч, с вами

Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за́ день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться...

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, — притом
Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы́ дает нельзя богаче,
От Рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два этих ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! Слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь

Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий *(почти громко)*

С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

[Вечер того же дня. Обычная суета, предшествующая началу званого вечера в дворянском доме. Чацкий встречается с гостями Фамусова — Натальей Дмитриевной, Платоном Михайловичем, князем и княгиней Тугоуховскими и их шестью дочерьми, графиней-бабушкой и графиней-внучкой Хрюмиными. Происходит обычный светский разговор, сплетни, слухи. Матери, имеющие дочерей на выданье, расспрашивают присутствующих о новом госте (Чацком).]

<...>

[Разгневанная София в разговоре с г.N. впервые высказывает мысль о сумасшествии Чацкого. Господа г.N. и г.D. распространяют слухи, обсуждают сумасшествие Чацкого с Загорецким. Далее слухи распространяет Загорецкий, к обсуждению новости присоединяются графиня-внучка и графиня-бабушка Хрюмины, князь Тугоуховский. Общество взбудоражено неожиданной и скандальной новостью.]

ДЕЙСТВИЕ IV

[Действие продолжается в парадных сенях в доме Фамусова, видна большая лестница, выход на крыльцо и швейцарская ложа, а также комната Молчалина. Гости Фамусова разъезжаются. Чацкий ищет свою карету.]

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал. — Ах, мой Создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher![1]
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на все предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня Господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

---

[1] Мой милый *(франц.)*.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцо́вщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье придти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!!! — всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче например?

Репетилов

Что ночь одна, — не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай в клубе? <...>

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взашеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! У нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас, мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!! уж на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! Сок умной молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну, полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас.. решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со смеху морит!
Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой — Воркулов Евдоким;
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но».
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;

Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелоч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего:
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты однако отыскать
Его *отрывок, взгляд,* и *нечто*.
Об чем бишь *нечто*? — обо всем;
Все знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль тут же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями Бог меня не наградил,

Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят...

Лакей *(у подъезда)*

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы.

Репетилов *(к нему навстречу)*

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую)

Репетилов *(Скалозубу)*

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами)

Упрямец! ускакал!
Нет ну́жды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых напоят шампанским на убой,

А во-вторых таким вещам научат,
Каких конечно нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

Репетилов

Все служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как может быть никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что Боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упреку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты — души мытарства,

Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Последняя лампа гаснет

Чацкий

(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами,
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье?
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мненье!
И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? — Конечно, рассказали,
Она не то, чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет
Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок, беспамятство откуда?? —
Нерв избалованность, причуда —
Возбу́дит малость их и малость утишит...
Я признаком почел живых страстей. — Ни крошки,

Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

Софья

(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неужели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычайности я точно приготовлен,
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!..

(Выталкивает его вон)

Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, — а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею:
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, Бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то, здесь внизу.

(Осматривается)

Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ 12

Чацкий за колонною. Лиза, Молчалин (потягивается и зевает). София (крадется сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах, Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы,
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволо́чим.

Лиза

Что вы, суда́рь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянёт!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай Бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.

Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну.

Софья

(в сторону)

Какие низости!

Чацкий

(за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятья, —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, суда́рь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали,
Дай обниму тебя от сердца полноты.

Лиза не дается

Зачем она не ты!

(Хочет идти. София не пускает)

София

(почти шепотом, вся сцена вполголоса)

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради Бога.
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин

(бросается на колена, София отталкивает его)

Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин

(ползает у ног ее)

Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте,
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ.
Солжете...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окро́ме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме
И погублю себя и вас.

Молчалин встает

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады...
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. — Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людя́х, и в яве;
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала,

Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий

(бросается между ними)

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!

Лиза свечку роняет с испугу;
Молчалин скрывается к себе в комнату.

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх, и стыд, —
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София

(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! Боже мой! сюда бежит весь дом!
Ваш батюшка, вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов,
толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать, ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врознь — уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся Бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий

(Софии)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, — не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего...

Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас.
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в и́збу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Еще дни два терпение возьми:
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, суда́рь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё ещё мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром.)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел!.. дрожал! вот счастье, думал,
близко,
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о Боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки — всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек.
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо)

Вы помиритесь с ним по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей. —
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом.
Я сватаньем моим не угрожаю вам.

Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой — и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков.
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы пра́вы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! —
Карету мне, карету!

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Кроме Чацкого.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:

Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

1822—1824

Вопросы и задания

1. Почему Пушкин назвал Грибоедова «человеком необыкновенным, замечательным»?
2. К какому литературному направлению можно отнести творчество Грибоедова? Обоснуйте свою точку зрения.
3. Какова проблематика комедии Грибоедова «Горе от ума»?
4. Раскройте специфику структуры развития композиции комедии.
5. Определите динамику сюжета комедии.
6. В чем заключается своеобразие системы образов комедии: Чацкий, Софья, Фамусов, Молчалин, Скалозуб?
7. В чем заключена специфика авторского голоса в комедии «Горе от ума»?
8. В чем жанровое своеобразие комедии? Определите единство сатирического, лирического, бытового и психологического уровней пьесы.
9. Каковы особенности языка комедии? Выскажите примерами из текста.
10. Какова конфликтная основа комедии?
11. Определите способ стихосложения и ритмическое своеобразие комедии «Горе от ума».

Советуем прочитать

Гончаров И.А. Мильон терзаний.
Тынянов Ю. Кюхля.
Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара.

Александр Сергеевич ПУШКИН

(1799–1837)

«Пушкин, — по словам В.Г. Белинского, — принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное».

Жизненный и творческий путь поэта был недолог, но велико творческое наследие — тома лирических стихотворений, поэмы, сказки, повести и рассказы, — сделавшее его основоположником русского литературного языка.

А.С. Пушкин родился в Москве 26 мая (6 июня) 1799 года. Отец его Сергей Львович происходил из старинного, но обедневшего дворянского рода, оставившего яркий след в истории России. Мать, Надежда Осиповна, была внучкой «арапа Петра Великого» — Ибрагима Ганнибала.

В 1811 году Пушкин поступил в только что открывшийся Царскосельский лицей. В этом уникальном для того времени учебном заведении должны были получать образование будущие государственные деятели. Среди лицейских поэтов (Кюхельбекер, Дельвиг, Корсаков и др.) первенство принадлежало Пушкину. Именно ему предложили написать стихотворение в честь именитых гостей лицея, приехавших на переводной экзамен. Юного поэта привлекла патриотическая тема тесного союза ратного подвига и поэзии. В оде «Воспоминания в Царском Селе» Пушкин прославил победу в Отечественной войне 1812 года, упомянул и первого русского поэта

XVIII века Державина, присутствовавшего при чтении стихотворения. Державин был растроган и хотел обнять автора оды. Пушкин воспринял этот жест как смену поэтических эпох, а себя осознал наследником национальных поэтических традиций. Под текстом оды «Воспоминания в Царском Селе» Пушкин впервые поставил полную подпись. Имя поэта стало приобретать известность.

Следующий период жизни Пушкина связан с Петербургом. Он служил в Коллегии иностранных дел, но государственная служба не мешала сближению Пушкина с видными русскими литераторами Н. Карамзиным, В. Жуковским, П. Вяземским. Он стал посещать собрания кружка «Зеленая лампа», куда входили поэты Федор Глинка, А. Дельвиг, будущий декабрист С. Трубецкой. На тайных собраниях кружка обсуждались политические, экономические, социальные вопросы. В политических спорах возникла вольнолюбивая лирика Пушкина. В этот период написаны стихотворения «К Чаадаеву», «Деревня», ода «Вольность», эпиграммы на императора Александра I. Все эти произведения объединяет тема обличения «тиранов мира», попирающих свободу. Возмущенный картиной страшного произвола, поэт превращается в поэта-гражданина, протестующего против крепостничества, «барства дикого».

С особой силой тема вольнолюбия проявилась в стихотворении **«К Чаадаеву»,** написанном в жанре дружеского послания. С П.Я. Чаадаевым Пушкин познакомился еще в лицейскую пору. Гусар, храбрый офицер, отличившийся в Бородинском сражении, взятии Парижа, страстный книголюб и одновременно блестящий светский щеголь, Чаадаев слыл среди современников необычным человеком. Его дружбы, покровительства искали многие, он знакомился, но был разборчив. Однако лицеиста Пушкина сразу признал другом. Характерной особенностью стихотворения «К Чаадаеву» является слияние личной темы с глубоким общественным содержанием. Стихотворение начинается с грустной интонации разочарования: радость, надежды, упоение молодостью оказались «обманом». Мечты о любви, славе, свободе рассеиваются. Но поэт поддерживает в друге уверенность в победе вольнолюбивых идей. Сменяется печальный тон. Последующие строки стихотворения жизнерадостные и бодрые:

Но в нас горит еще желанье...

Порыв к свободе — «звезде пленительного счастья», нетерпеливое ожидание ее торжества выражают вольнолюбие поэта. Стихотворение заканчивается призывом поэта к другу, убедительным предсказанием долгожданного освобождения:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Итогом пушкинского творчества в этот период стала поэма-сказка «Руслан и Людмила», первая поэма Пушкина, в которой он обратился к старинным народным сказаниям. В поэме гармонично сочетаются приключения героев, их любовь, сказочный колорит и героическая история. Новаторство поэмы связано и с особой ролью автора, который разъясняет читателям ход событий, иронически толкует их, смеется над поступками, мыслями, душевными движениями героев. Таким образом, читатели знакомятся и с личной точкой зрения автора на героев и их приключения. Позднее поэт вновь обратился к русскому фольклору, создав замечательные сказки в стихах «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне...» и др. Известна оценка поэмы «Руслан и Людмила» русским поэтом романтического направления В. Жуковским, подарившим Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя»...

Созданием поэмы «Руслан и Людмила» закончился период становления поэта. Пушкин стал надеждой новой русской литературы, признанным поэтом.

Творческие искания — от романтизма к реализму. Весной 1820 года Пушкина вызвали к генерал-губернатору Петербурга графу Милорадовичу по поводу широко распространившихся в списках его политических стихотворений. Пушкин казался правительству опасным человеком, подрывающим основы государства. Поэту грозила ссылка в Сибирь или Соловецкий монастырь. Но по ходатайству В. Жуковского, Н. Карамзина и многих других его отправили в ссылку на юг, назначив чиновником под началом наместника Бессарабии (ныне Молдова). В связи с болезнью Пушкину было разрешено поехать на Кавказ. Путешествия увлекли Пушкина. Он увидел бескрайние украинские степи, море, горы,

Крым. С большим интересом поэт знакомился с жизнью, обычаями и традициями кавказских народов. Разнообразные впечатления от «южных» путешествий вошли в пушкинские стихотворения и поэмы.

Принято считать, что стихотворением «Погасло дневное светило...» открылся романтический период в творчестве Пушкина. В центре стихотворения — раздумья о жизни, о судьбе человека. Грозная стихия океана передает состояние души поэта:

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

В стихотворении возникает образ романтического изгнанника, устремляющегося к новой, неизвестной жизни. Такой образ предстает в поэмах «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы».

В южной ссылке Пушкин познакомился и подружился с будущими декабристами — П. Пестелем, В. Раевским, К. Рылеевым. В атмосфере политических и философских споров появились известные стихотворения «Узник» и «Кинжал», в которых выражалась глубокая тоска по воле и страстное ожидание свободы.

Летом 1823 года Пушкин переехал в Одессу, но у него не сложились отношения с генерал-губернатором М. Воронцовым и вскоре поэту было предписано выехать в новую ссылку — село Михайловское, имение родителей. Пушкину запретили самовольно покидать Михайловское, и поначалу место ссылки казалось ему мрачным и неуютным. Но дружеская переписка, приезды друзей — И. Пущина, А. Дельвига и неустанный литературный труд переменили тягостные настроения в сторону душевного спокойствия, сосредоточенности и жизнерадостности.

Одним из первых произведений, созданных поэтом в Михайловском, было стихотворение «К морю». В нем Пушкин подводит итог романтическим южным порывам. Море — символ свободы, вольной стихии, родственной духу поэта. Стихия моря противостоит земному миру, в котором нет ничего близкого гордому одинокому поэту, хранящему стихию вольности.

В михайловской ссылке поэт узнал о разгроме восстания декабристов, а позже и о казни пяти руководителей восстания. В этот период Пушкин создает программное произведение «Пророк». Стихотворение выдержано в суровом, сдержанном, возвышенно-ораторском тоне.

После поражения декабристов поэт как бы принимает на себя тяжесть — нести людям истину. В стихотворении запечатлен трудный и мучительный процесс превращения простого смертного в грозного трибуна, вестника правды — пророка. В поэте-пророке сосредоточены горячее сердце, убежденность в правоте своего слова, всеведение.

Торжественно-величаво передает поэт приход высшего знания к пророку:

Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Затем торжественная интонация сменяется. Пушкин передает мучительные страдания человека, становящегося пророком, ощущение физической боли, через которую надо пройти, чтобы «глаголом жечь сердца людей».

Стихотворение заканчивается высоким гражданским призывом служить людям.

Пора зрелости. Становление Пушкина-прозаика. Ссылка в Михайловское закончилась внезапно. 8 сентября 1826 года Пушкин был вызван на аудиенцию к царю Николаю I, который разрешил поэту жить в обеих столицах, но вызвался быть цензором всех его сочинений. Свобода была неполной. Пушкину не разрешались свободные поездки по стране, публичное чтение своих произведений, переписка поэта просматривалась. Несмотря на сложное для поэта время, Пушкин пишет стихотворение «Во глубине сибирских руд», посвященное декабристам. В этом стихотворении поэт обращается к декабристам как их товарищ, оставшийся на свободе, но разделяющий их «дум высокое стремленье», вселяет в них бодрость, сознание своего исторического подвига. Сходным настроением пронизано и стихотворение «Арион», в котором Пушкин эмоционально запечатлевает неизменность своих свободолюбивых идей.

В период с 1826 по 1830 год Пушкин создает такие известные произведения, как «Анчар», «Кавказ», «Обвал», «На холмах Грузии лежит ночная мгла», «Зимнее утро», «Я вас любил, любовь еще, быть может...», вместе с друзьями (Жуковский, Вяземский, Плетнев, Дельвиг) создает «Литературную газету», заканчивает роман

«Евгений Онегин», пробует себя в прозаическом («Повести Белкина», «История села Горюхина») и драматургическом («Маленькие трагедии», «Русалка») жанрах.

«Повести Белкина» появляются в печати в 1831 году, причем А.С. Пушкин опубликовал это произведение анонимно, приписав авторство вымышленному лицу — некоему Ивану Петровичу Белкину. В сборнике «Повести Белкина» представлено русское общество. Белкин — только маска, которую надел на себя поэт, чтобы подчеркнуть особый выбор сюжетов — в рамках кругозора провинциального помещика. Образом главного героя рассказа «Станционный смотритель» Самсона Вырина — Пушкин открывает галерею портретов «маленького человека». Трагедия Самсона Вырина, утверждает писатель, в том, что его мир, мир «маленького человека», отделен от общества «сильных мира сего», в который попала волею судьбы его дочь Дуня, но где нет и никогда не будет места ему».

Особенно плодотворным был для Пушкина период вынужденного пребывания в имении Болдино, названный позже «Болдинской осенью». Он получил согласие на брак с Н.Н. Гончаровой, был полон ощущениями новой жизни, семейного счастья, простых человеческих радостей. Но в журналах пишут об упадке таланта, унижают его человеческое достоинство, обвиняют в подражательстве. Эта тягостная обстановка отразилась в стихотворении «Бесы», в котором Пушкин раздумывает о своей личной судьбе, о беспомощности и безысходности жизни.

Последние годы жизни были полны трагических переживаний. Накануне нового 1834 года он был произведен в камер-юнкеры. Придворное звание оскорбляло поэта, обычно такие звания давались юношам, а Пушкин был не молод. Вместо тишины и уединения, необходимых для творчества, поэту приходилось служить при дворе, чтобы содержать семью, посещать балы и вечера. О Пушкине и его жене Наталье Николаевне распространялись оскорбительные слухи. Но несмотря на драматические обстоятельства, именно в этот период Пушкин создает многие знаменитые стихотворения и в их числе «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», «Вновь я посетил»...

Стихотворение «Вновь я посетил...» написано в Михайловском. Поэт вспомнил свое двухлетнее изгнание и попытался подвести итог, поразмышлять о времени и о себе. В центральном образе стихотворения — трех молодых соснах — воплощается идея безостановочного вечного обновления и торжества жизни. Интонация

стихотворения печальна, но в то же время полна светлой надежды на будущее.

Лирические переживания неразрывно связаны с философскими и историческими размышлениями. Лирика Пушкина этого периода — лирика поэта-трибуна, поэта-гражданина, осознающего свое призвание, жизненный и творческий подвиг во имя добра, красоты и свободы. Этой интонацией проникнуто и поэтическое завещание Пушкина **«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»**. Стихотворение восходит к традициям римского поэта Горация, автора строк «Я воздвиг памятник...», но это дань традиции. В основе сюжета стихотворения — судьба Пушкина, осмысленная в историческом плане. Тяжкие раздумья о жестокости века, об отношениях со светским обществом, о недостижимом счастье свободы, горькое предчувствие скорой гибели, вера в могущество слова поэта, безмерная любовь к России, сознание выполненного долга перед народом составляют основные мотивы стихотворения.

Поэт гордится тем, что проник в существо национального духа, что его поэзия была свободной.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Последняя строфа стихотворения подводит итог личному опыту Пушкина. «Хвала», «обида», «клевета», в представлении поэта, временная суета в отличие от поэзии, бескорыстного служения людям. В этом вечная и неизменная сущность подлинного искусства.

Пророческие предчувствия поэта сбылись. Пушкин трагически погиб в результате дуэли с молодым французом Дантесом. Причиной дуэли стало анонимное письмо, оскорблявшее жену поэта, связываемую сплетнями с Дантесом, который оказывал Наталье Николаевне явные знаки внимания. Дуэль состоялась 27 января 1837 года в нескольких верстах от Петербурга. Дантес смертельно ранил поэта. Доктора не скрывали трагического исхода. 29 января 1837 года в 2 часа 45 минут пополудни Пушкина не стало.

Толпы людей пришли проститься с любимым поэтом. Власти отдали приказание похоронить Пушкина почти тайно, не устраивая никакой церемонии.

Трагическая гибель великого русского поэта потрясла российское общество, гнев и возмущение которого выразил поэт М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта».

Творчество Пушкина оказало и оказывает огромное влияние на развитие национальных литератур. Гуманизм Пушкина, его вера в светлое будущее человечества, доброе начало в человеке и его духовное возрождение остаются непреходящими духовными ценностями, не имеющими национальных границ. Ценят и почитают гений поэта и у нас на родине. И свидетельством тому являются поэтические посвящения поэту узбекских поэтов Х. Алимджана, Айбека, Зульфии, А. Арипова, Р. Фархади и многих других. Общее отношение узбекских поэтов к Пушкину наиболее ярко проявились в строках узбекского поэта и писателя Айбека:

Он время победил. Он побеждает страх...
И в наши дни гудит все так же величаво.
О Пушкин!.. Ты звучишь на стольких языках,
И все растет твоя блистающая слава!

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826

Exegi monumentum[1]

* * *

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

1836

---

[1] Памятник я воздвиг *(лат.)* *(Гораций)*.

Вопросы и задания

1. Какова тематика произведений Пушкина в петербургский период (1817—1820 годы)?

2. В каких стихотворениях и как выражаются вольнолюбивые мысли автора?

3. Прочитайте выразительно стихотворение «К Чаадаеву».

а) Какова основная мысль стихотворения?

*б) Почему Пушкин выходит за рамки жанра дружеского послания, а стихотворение считается образцом вольнолюбивой лирики поэта?

в) Можно ли сказать, что строки стихотворения «К Чаадаеву»: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!» актуальны и в наше время? Как вы понимаете эти строки?

4. Выучите наизусть стихотворение Пушкина «Пророк».

а) Каким представляется Пушкину настоящий поэт-пророк?

б) Почему в стихотворении «Пророк» присутствует много устаревших слов? Как они влияют на общую интонацию стихотворения?

в) Как вы понимаете слова «Глаголом жги сердца людей»?

г) Посмотрите в толковом словаре русского языка значение слова «пророк» и сравните его с пушкинским пониманием этого слова.

5. В каких условиях оказался Пушкин после возвращения из ссылки?

6. Каково значение Болдинской осени в жизни и творчестве Пушкина?

*7. Почему повести «Метель», «Выстрел», «Станционный смотритель» были подписаны вымышленным рассказчиком И.П. Белкиным?

8. Какая раскрывается тема «маленького человека» в повести «Станционный смотритель»?

9. В чем причина трагической гибели Пушкина?

10. Как в стихотворении «Я памятник себе воздвиг...» поэт сам оценивает свое творчество?

11. Как Пушкин определяет сущность подлинно народного искусства?

12. Какое влияние творчество Пушкина оказывает на развитие национальных литератур?

Для самостоятельного чтения

Пушкин А.С. «Анчар», «Во глубине сибирских руд», «Вольность» (ода), «Руслан и Людмила».

Советуем прочитать

Айбек. «Пушкин», А. Арипов. «У памятника Пушкину».

О РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Роман в стихах «Евгений Онегин» был начат Пушкиным в южной ссылке (1823 г.) и закончен в период, называемый «Болдинской осенью» (1830 г.). В 1831 году поэт переделал последнюю главу и написал письмо Онегина к Татьяне. Роман состоит из 8 глав. Действие его развивается с 1819 по 1825 год. Пушкин воссоздает в романе духовную атмосферу общества, собственный духовный рост и развитие своих героев.

Своеобразен жанр произведения — «роман в стихах». В письме к П. Вяземскому поэт высказывается так: «Пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница».

В своем произведении Пушкин объективно и реалистически изображает современную ему эпоху через историю героя и сюжет, что является романным признаком. Но роман Пушкина стихотворный и его лиризм, активность авторского поэтического голоса придает ему особое своеобразие.

Сюжет романа прост, число героев ограничено. Онегин, Ленский, Татьяна и Ольга противопоставлены друг другу. В основу сюжета положены чувства героев — любовь Татьяны к Онегину, Ленского к Ольге, дружба Онегина и Ленского. Центральным событием романа является дуэль Онегина с Ленским, которая коренным образом меняет судьбы всех главных героев.

Описание и события жизни главных героев неотрывны от той среды, в которой они живут. Поэт мастерски воспроизводит атмосферу Петербурга и деревенской российской провинции, где одинаково царят зависть, скука, пустота мыслей, клевета, сплетни, мелкая суета.

Центральный образ, Евгений Онегин, представляет собой реалистический тип молодого человека, жизнь и судьба которого обусловлены как его личными качествами, так и общественной средой. Онегин описан автором в противоречиях. С одной стороны, это молодой дворянский интеллигент, умный, благородный, способный к сильным чувствам. Но неумение трудиться («Труд упорный ему был тошен»), жажда однообразных удовольствий, отсутствие реального дела, «жизнь без цели, без трудов» делает его пресыщенным жизнью и чувствами индивидуалистом и эгоистом, живущим в скуке и хандре.

Читатель видит, как складывается характер героя, мы узнаем, чему его учили, как он проводил время. Хотя Евгений «учился чему-

нибудь и как-нибудь», уровень его культуры довольно высок. Он порождение своего общества, но при этом чужд ему. Пустота жизни мучает Онегина, он во всем разочаровывается. Характер Онегина обусловливает его поступки. Он искренне привязывается к Ленскому, но порывы его души сталкиваются с привычными, внушенными светским обществом правилами поведения. Соблюдая негласные законы чести, Онегин фактически убивает на поединке Ленского.

И вот общественное мненье!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир! —

восклицает поэт.

Чувства Онегина оскудели, любовь Татьяны он отверг, слишком рассудочно и притворно его отношение к любви. Привыкший и усвоивший светские «истины», «науку страсти нежной», Онегин лишен самой способности любить.

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать...

Лишь череда потрясений — убийство Ленского, встреча с Татьяной, ставшей женой генерала, светской дамой, — заставили Онегина обрести способность к большому и сильному чувству.

Отношения автора к Онегину на протяжении всего повествования ироническое, но благодушное. Онегин для Пушкина не только «забав и роскоши дитя», законодатель мод, завсегдатай театральных кулис, искусный знаток «науки страсти нежной», но и беспокойный, острокритический, ищущий ум, проявляющий недовольство окружающей действительностью. Пушкин подчеркивает благородство поведения своего героя, Онегин не обманул Татьяну, не воспользовался «доверчивостью души невинной».

Пушкин стремился дать в образе Евгения Онегина типическое обобщение характерного явления в жизни современного ему общества. Это реалистический тип молодого человека, жизнь и судьба которого обусловлены не только его личными качествами, но и определенной общественной средой начала XIX века. Скептицизм и разочарование Онегина — это отражение общего состояния, которое охватило в начале века значительную часть дворянской интеллигенции.

Своеобразно противостоит Онегину другой герой романа — Владимир Ленский. Молодые герои романа подчеркнуто контрастны: «Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень». Пылкий восторженный романтик, «поклонник Канта и поэт» не имеет реального представления о жизни. Дворянский патриархальный быт и заимствованная европейская культура определили романтический настрой мыслей и чувств Ленского.

По ироническому замечанию Пушкина

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы...

Автор не дает ответа на вопрос о том, как бы сложилась судьба Ленского в дальнейшем. Женившись на Ольге Лариной, бездушной посредственной кокетке, он мог стать заурядным помещиком, повторившим судьбу отца сестер Лариных:

Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой.
Чистосердечней, чем иной.
Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

Но Ленский мог стать и настоящим поэтом, гордостью национальной культуры, представителем прогрессивной части дворянской интеллигенции.

Любимая героиня автора — Татьяна Ларина. В противовес Онегину, в близости Татьяны к культуре народа, его нравам и быту заключена здоровая и реальная жизненная основа. Сам образ Татьяны окружен «воспоминаньем старины иль девичьей», героями русского фольклора. Сон Татьяны соткан из образов старинных сказок. Простая народная культура формировала характер Татьяны, именно поэтому Татьяна является пушкинским идеалом, воплощением национального духа.

Татьяна исключительно душевно цельный образ. Она проста и самоотверженна, автор подчеркивает ее нравственную чистоту, глубокий ум и естественность.

Мысль и чувство, разум и поступок для нее едины. Полюбив, она первая признается Онегину в любви и ее не останавливают условности — «Татьяна любит не шутя...» Но в то же время ее ответ Онегину:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна —

также выдержан в духе народной морали, как и ее искреннее признание в любви.

Облик Татьяны постоянно оттеняет русская природа. В моменты радости, печали и душевных переживаний Татьяна оказывается в окружении простой, лишенной экзотики, но исключительно поэтичной природы.

Таким образом, душевная цельность Татьяны характеризуется единством лучших сторон русской культуры — дворянской и народной.

Одной из характерных особенностей романа является особая роль автора. Сам Пушкин выступает как реальное действующее лицо романа, но вне сюжетных рамок. Автор размышляет, беседует с читателем, делится творческими замыслами, рассуждает о литературе, вспоминает о своей жизни, высказывает свое отношение к героям в многочисленных лирических отступлениях. Более того, Пушкин вводит в произведение своих друзей и знакомых, достигая правдоподобия и достоверности событий.

Для Пушкина Онегин — друг, и как друг он понимает Евгения, сочувствует ему, но и не может лгать, когда поступки Онегина расходятся со взглядами на жизнь самого поэта. Онегин скучает и «хандрит», в авторе, напротив, живут глубокие и сильные чувства. Пушкин не может скрыть своего восхищения перед красотой русской природы, Онегин равнодушен. Особенно ярко проявляются различия между автором и героем в моральной сфере. Пушкин осуждает Онегина за дуэль с Ленским, за то, что по его вине страдает Татьяна.

В этом единстве и противоположности автора и героя воплощается идейная сущность романа, те духовные переживания, которые владели передовыми людьми в России первой половины XIX века.

Роман «Евгений Онегин» по праву считается первым русским реалистическим романом. Реализм романа выразился в стиле, в языке произведения. Автор точно охарактеризовал национально-исторический быт эпохи, характер и культуру героев. В то же

время пушкинские описания живописны и точны. Уникален язык романа, точно воспроизводящий эпоху, среду, и в то же время эмоциональный и поэтичный. «Евгений Онегин», по выражению критика В.Г. Белинского, стал «энциклопедией русской жизни», потому что вобрал в себя самые главные, самые характерные тенденции жизни русского общества 20-х годов XIX века.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

РОМАН В СТИХАХ

(Фрагменты)

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière[1]

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

[1] Проникнутый тщеславием, он, помимо того, обладал еще особенной гордостью, которая побуждает признавать с одинаковым равнодушием как свои добрые, так и дурные поступки, – вследствие чувства превосходства, быть может мнимого. *Из частного письма (франц.).*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И жить торопится и чувствовать спешит.
Кн. Вяземский[1]

I

«Мой дядя самых честных
правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог;
Его пример другим наука:
Но, Боже мой, какая скука
С больным сидеть и день
и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить
лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня[2].

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним
ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз
убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

---

[1] Из стихотворения П.А. Вяземского «Первый снег».
[2] Намек на южную ссылку поэта.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как *dandy*[1] лондонский одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше?
Свет решил,
Что он умен и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мненью
многих
(Судей решительных
и строгих),
Ученый малый, но педант.
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном
споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале[2],
В конце письма поставить
vale[3],
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды[4] два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула[5] до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,

---

[1] Светский франт *(англ.)*.

[2] *Ювенал Децим Юний* (род. в 60-х годах I в. — ум. после 127 г.) — римский поэт-сатирик.

[3] Привет *(будь здоров, лат.)*.

[4] *Энейда* — поэма римского поэта Виргилия (70–19 гг. до н.э.).

[5] *Ро́мул* — мифический основатель и первый царь Рима.

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита[1];
Зато читал Адама Смита[2]
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был
гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон[3],
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий
и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым
и послушным,
Внимательным иль
равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как
небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр
и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,

---

[1] *Феокри́т* (III в. до н.э.) — древнегреческий поэт. Один из создателей пастушеской поэзии.

[2] *Смит Ада́м* (1723–1790) — английский экономист.

[3] *Ови́дий Пу́блий Назон* (43 г. до н.э. — 17 г. н.э.) — римский поэт. Речь идет о его поэме «Искусство любви».

Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать
признанья,
Подслушать сердца первый
звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья,
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа[1] давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой. <...>

LII

Вдруг получил он в самом
деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы
рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань, готовую земле.

LIII

Нашел он полон двор услуги;
К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и други,
Охотники до похорон.
Покойника похоронили.
Попы и гости ели, пили,
И после важно разошлись,
Как будто делом занялись.
Вот наш Онегин — сельский
житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний
путь
Переменил на что-нибудь.

---

[1] *Фобла́с* — персонаж романа Луве де Куврэ «Похождения кавалера Фобласа».

LIV

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

ГЛАВА ВТОРАЯ

O rus!..
Hor[1]
О Русь!

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных
наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад.
Приют задумчивых дриад[2]. <...>

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей
бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Все было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван
пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашел тетрадь
расхода,
В другом наливок целый
строй,
Кувшины с яблочной водой

---

[1] О деревня!.. *Гораций (лат.).*
[2] *Дриады (миф.) — нимфы, покровительницы лесов.*

И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец
пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чудак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой
дороги
Заслышит их домашни
дроги, —
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили
с ним.
«Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Все *да* да *нет*; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*». Таков был общий
глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно
странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч. <...>

X

Он пел любовь, любви
послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы
простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба
безмятежных,
Богиня тайн и вздохов
нежных.
Он пел разлуку и печаль,

И *нечто,* и *туманну даль,*
И романтические розы;
Он пел те дальные страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни
цвет
Без малого в осьмнадцать лет.

XI

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных
селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни
чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни остротою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

XII

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своих
За *полурусского соседа*;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай;
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (Бог мой!):
Приди в чертог ко мне
златой!..

XIII

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день
верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья <...>

XVI

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,

Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм[1],
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал. <...>

XIX

Зато и пламенная младость
Не может ничего скрывать.
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
В любви считаясь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;
Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.
Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас. <...>

XXI

Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не знав,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы,
И детям прочили венцы
Друзья-соседи, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела, как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон.
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон.
Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

---

[1] Северной поэзией в эти годы называли поэзию, представленную в произведениях северных народов Европы: англичан и немцев.

XXIII

Всегда скромна, всегда
послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила;
Глаза, как небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Всё в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно,
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV

Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей! Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвещенье не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство, — больше ничего.

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь
на пяльцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
К приличию — закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.

И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий
смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона[1], и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке
запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума. <...>

XXXV

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари[2]
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был
потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюды по чинам. <...>

---

[1] *Ричардсо́н Самюэл* (1689–1761) — английский писатель.
[2] *Заря*, или *зоря* — полевая травка из семейства зонтичных.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Elle était fille, elle était amoureuse.

Malfilâtre[1]

I

«Куда? Уж эти мне поэты!»
— Прощай, Онегин, мне пора.
«Я не держу тебя; но где ты
Свои проводишь вечера?»
— У Лариных. — «Вот это
чудно.
Помилуй! и тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?»
— Нимало. — «Не могу
понять.
Отселе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли
я?),
Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен,
про скотный двор...»

II

— Я тут еще беды не вижу.
«Да скука, вот беда,
мой друг».
— Я модный свет ваш
ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу... — «Опять
эклога!
Да полно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень
жаль.
Ах, слушай, Ленский;
да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм *et cetera*[2]?..
Представь меня». —
Ты шутишь. — «Нету».
— Я рад. — «Когда же?»
— Хоть сейчас.
Они с охотой примут нас.

III

Поедем. —
Поскакали други,
Явились; им расточены
Порой тяжелые услуги
Гостеприимной старины.
Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят вощаной
Кувшин с брусничною водой.
.....

---

[1] Она была девушка, она была влюблена. *Мальфилатр (франц.)*.
[2] и так далее *(лат.)*.

VI

Меж тем Онегина явленье
У Лариных произвело
На всех большое впечатленье
И всех соседей развлекло.
Пошла догадка за догадкой,
Все стали толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха,
Татьяне прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсем,
Но остановлена затем,
Что модных колец не достали.
О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено.

VII

Татьяна слушала с досадой
Такие сплетни; но тайком
С неизъяснимою отрадой
Невольно думала о том;
И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,

VIII

И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркий одинокий сон,
Все полно им; все деве милой
Без умолку волшебной силой
Твердит о нем. Докучны ей
И звуки ласковых речей,
И взор заботливой прислуги.
В уныние погружена,
Гостей не слушает она
И проклинает их досуги,
Их неожиданный приезд
И продолжительный присест.

<...>

XXV

Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви, как милое дитя.
Не говорит она: отложим —
Любви мы цену тем умножим,
Вернее в сети заведем;
Сперва тщеславие кольнем
Надеждой, там недоуменьем
Измучим сердце, а потом
Ревнивым оживим огнем;
А то, скучая наслажденьем,
Невольник хитрый из оков
Всечасно вырваться готов.

XXVI

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,

Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

<...>

XXXI

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную
небрежность?
Кто ей внушал умильный
вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список
бледный
Или разыгранный Фрейшиц[1]
Перстами робких учениц:

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ К ОНЕГИНУ

Я к вам пишу — чего же
боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной
доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши
речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой
встречи.
Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам
скучно,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья

---

[1] *«Фрейшиц»* — опера немецкого композитора Вебера (1786—1826).

Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем
(как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на
свете
Не отдала бы сердце я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан Богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне
являлся
Незримый, ты мне был уж
мил,
Твой чудный взгляд меня
томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте
мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли
хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно
перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

XXXII

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.
К плечу головушкой
склонилась,
Сорочка легкая спустилась
С ее прелестного плеча...
Но вот уж лунного луча
Сиянье гаснет. Там долина
Сквозь пар яснеет. Там поток
Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина.
Вот утро: встали все давно,
Моей Татьяне все равно.

< . . . >

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

La morale est dans la nature des choses.
Necker[1]

<I. II. III. IV. V. VI.>

VII

Чем меньше женщину
мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало,
хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времян:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков[2]
И величавых париков. <...>

IX

Так точно думал мой Евгений.
Он в первый юности своей
Был жертвой бурных
заблуждений
И необузданных страстей.
Привычкой жизни избалован,
Одним на время очарован,
Разочарованный другим,
Желаньем медленно томим,
Томим и ветреным успехом,
Внимая в шуме и в тиши

---

[1] Нравственность в природе вещей. *Неккер (франц.)*.

[2] *Красные каблуки* — принадлежность щегольского наряда молодых придворных XVIII в.

Роптанье вечное души,
Зевоту подавляя смехом:
Вот как убил он восемь лет,
Утратя жизни лучший цвет.

X

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался;
Изменят — рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На *вист* вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает,
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.

XI

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роем возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

XII

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошел
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочел
Души доверчивой признанья,
Любви невинной излиянья;
Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за нее вам отплачу
Признаньем также без искусства;
Примите исповедь мою:
Себя на суд вам отдаю.

XIII

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —

То, верно б, кроме вас одной
Невесты не искал иной.
Скажу без блесток
мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих
печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько
мог!

XIV

Но я не создан для
блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе не достоин я.
Поверьте (совесть в том
порукой),
Супружество нам будет
мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней.

XV

Что может быть на свете
хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену
зная
(Судьбу, однако ж, проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назначен строгою судьбой?

XVI

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною.
Так видно небом суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет».

XVII

Так проповедовал Евгений.
Сквозь слез не видя ничего,
Едва дыша, без возражений,
Татьяна слушала его.

Он подал руку ей. Печально
(Как говорится, машинально)
Татьяна молча оперлась,
Головкой томною склонясь;
Пошли домой вкруг огорода;
Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то:
Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва. <...>

XXIII

Что было следствием
свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумные страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нет, пуще страстью
безотрадной
Татьяна бедная горит;
Ее постели сон бежит;
Здоровье, жизни цвет
и сладость,
Улыбка, девственный покой,
Пропало все, что звук пустой,
И меркнет милой Тани
младость:
Так одевает бури тень
Едва рожающийся день. <...>

XXV

Час от часу плененный боле
Красами Ольги молодой,
Владимир сладостной неволе
Предался полною душой,
Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое;
Они в саду, рука с рукой,
Гуляют утренней порой;
И что ж? Любовью упоенный,
В смятенье нежного стыда,
Он только смеет иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитым локоном играть
Иль край одежды
целовать. <...>

XLIV

Прямым Онегин Чильд
Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну
со́ льдом,
И после, дома целый день,
Один, в расчеты погруженный,
Тупым киём вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.
Настанет вечер деревенский:
Бильярд оставлен, кий забыт,
Перед камином стол накрыт.
Евгений ждет: вот едет Ленский
На тройке чалых лошадей;
Давай обедать поскорей! <...>

XLVIII

«Ну, что соседки? Что Татьяна?
Что Ольга резвая твоя?»
— Налей еще мне
полстакана...

Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велели.
Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!.. Когда-нибудь
Заедем к ним; ты их обяжешь;
А то, мой друг, суди ты сам:
Два раза заглянул, а там
Уж к ним и носу не покажешь.
Да вот... какой же я болван!
Ты к ним на той неделе зван.

XLIX

«Я?» — Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приежать.
«Но куча будет там народу
И всякого такого сброду...»
— И, никого, уверен я!
Кто будет там? своя семья.
Поедем, сделай одолженье!
Ну, что ж?— «Согласен».
— Как ты мил! —
При сих словах он осушил
Стакан, соседке приношенье,
Потом разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

<...>

LI

Он был любим... по крайней мере,
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок;
Но жалок тот, кто всё предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!

ГЛАВА ПЯТАЯ

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!
Жуковский

I

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,

В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин,
торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

<...>

IV

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день
морозный,
И сани, и зарею поздной
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьев военных и поход.

V

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо
мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,

VI

Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая звезда
По небу темному летела
И рассыпалася, — тогда
В смятенье Таня торопилась,
Пока звезда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось где-нибудь

Ей встретить черного монаха,
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных
полна,
Ждала несчастья уж она.

VII

Что ж? Тайну прелесть
находила
И в самом ужасе она:
Так нас природа сотворила,
К противоречию склонна.
Настали святки. То-то
радость!
Гадает ветреная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

VIII

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно вылитым узором
Ей что-то чудное гласит;
Из блюда, полного водою,
Выходят кольцы чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
*«Там мужички-то все
богаты,*
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.

<...>

X

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг
Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и
быть...
С Татьяной нам не ворожить.
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьется Лель,
А под подушкою пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.

XI

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед
нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой

Поток, не скованный зимой;
Две жердочки, склеены
льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток;
И пред шумящею пучиной,
Недоумения полна,
Остановилася она.

XII

Как на досадную разлуку,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой взъерошенный
медведь;
Татьяна *ах!* а он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протянул; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что ж? медведь
за ней!

XIII

Она, взглянуть назад не смея,
Поспешный ускоряет шаг;
Но от косматого лакея
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь
несносный;
Пред ними лес; недвижны
сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь
вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

XIV

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колено ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки
милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; боится,
Медведя слышит за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять
стыдится;
Она бежит, он всё вослед,
И сил уже бежать ей нет.

XV

Упала в снег; медведь
проворно
Ее хватает и несет;
Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, не дохнет;
Он мчит ее лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш
убогой;

Кругом всё глушь; отвсюду он
Пустынным снегом занесен,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик и шум;
Медведь промолвил: «*Здесь мой кум:*
Погрейся у него немножко!»
И в сени прямо он идет
И на порог ее кладет.

XVI

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сенях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку,
И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот. <...>

XIX

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыты, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указует на нее,
И все кричат: мое! мое!

XX

Мое! — сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталася во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Её на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул,
И дико он очами бродит,
И нéзваных гостей бранит,
Татьяна чуть жива лежит.

XXI

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени

Сгустились; нестерпимый
крик
Раздался... хижина
шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...
Глядит, уж в комнате светло;
В окне сквозь мерзлое стекло
Зари багряный луч играет;
Дверь отворилась. Ольга к
ней,
Авроры северной алей
И легче ласточки, влетает;
«Ну, — говорит, — скажи ж
ты мне,
Кого ты видела во сне?» <...>

XXV

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.
С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в
санях.
В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых
лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.
<...>

XLI

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь
шумный;
Чета мелькает за четой.
К минуте мщенья
приближаясь,
Онегин, в тайне усмехаясь,
Подходит к Ольге. Быстро с
ней
Вертится около гостей,
Потом на стул ее сажает,
Заводит речь о том, о сем;
Спустя минуты две потом
Вновь с нею вальс он
продолжает;
Все в изумленье. Ленский
сам
Не верит собственным глазам.
<...>

XLV

Но ей нельзя. Нельзя?
Но что же?
Да Ольга слово уж дала
Онегину. О, Боже, Боже!
Что слышит он? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь
из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена!
Не в силах Ленский снесть
удара;

Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше
ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

La, sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole.
Petr.[1]

I

Заметив, что Владимир
скрылся,
Онегин, скукой вновь гоним,
Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщением своим.
За ним и Оленька зевала,
Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил, как тяжкий сон.
Но кончен он. Идут за ужин.
Постели стелют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой. <...>

XIII

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок —
И очутился у соседок.
Он думал Оленьку смутить,
Своим приездом поразить;
Не тут-то было; как и прежде,
На встречу бедного певца
Прыгнула Оленька с крыльца,
Подобно ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела.
Ну точно та же, как была.

XIV

«Зачем вечор так рано
скрылись?»
Был первый Оленькин вопрос.
Все чувства в Ленском
помутились,
И молча он повесил нос.
Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностию взгляда,
Пред этой нежной простотой,

---

[1] Там, где дни облачны и кратки,
Родится племя, которому умирать не больно.
Петрарка (итал.)

Пред этой резвою душой!..
Он смотрит в сладком
умиленье;
Он видит: он еще любим;
Уж он, раскаяньем томим,
Готов просить у ней прощенье,
Трепещет, не находит слов,
Он счастлив, он почти здоров...

XV. XVI. XVII

И вновь задумчивый, унылый
Пред милой Ольгою своей,
Владимир не имеет силы
Вчерашний день напомнить ей;
Он мыслит: «Буду ей
спаситель.
Не потерплю, чтоб
развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный,
ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренний цветок
Увял еще полураскрытый».
Всё это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.

XVIII

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывал.
Онегин обо всем молчал;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была. <...>

XXVI

Опершись на плотину,
Ленский
Давно нетерпеливо ждал;
Меж тем, механик
деревенский,
Зарецкий жернов осуждал.
Идет Онегин с извиненьем.
«Но где же, — молвил
с изумленьем
Зарецкий, — где ваш
секундант?»
В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял не как-нибудь,
Но в строгих правилах
искусства,
По всем преданьям старины
(Что похвалить мы в нем
должны).

XXVII

«Мой секундант? — сказал
Евгений, —
Вот он: мой друг, monsieur
Guillot.

Я не предвижу возражений
На представление мое:
Хоть человек он неизвестный,
Но уж конечно малый
честный».
Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?»
— Начнем, пожалуй, —
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный*
малый
Вступили в важный договор,
Враги стоят потупя взор.

XXVIII

Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапе́зу, мысли и дела
Делили дружно? Ныне злобно,
Врагам наследственным
подобно,
Как в страшном,
непонятном сне,
Они другу другу в тишине
Готовят гибель
хладнокровно...
Не засмеяться ль им, пока
Не обагрилась их рука,
Не разойтиться ль
полюбовно?..
Но дико светская вражда
Боится ложного стыда.

XXIX

Вот пистолеты уж блеснули,
Гремит о шомпол молоток.
В граненый ствол уходят
пули,
И щелкнул в первый раз
курок.
Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведен еще. За ближний
пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросают два врага.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью
отменной,
Друзей развел по крайний
след,
И каждый взял свой пистолет.

XXX

«Теперь сходитесь».
Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов еще ступили,
И Ленский, жмуря левый
глаз,
Стал также целить —
но как раз

Онегин выстрелил... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет,

XXXI

На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.
Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его... напрасно:
Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет
прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!.. <...>

XXXV

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.
«Ну, что ж? убит», —
решил сосед.
Убит!.. Сим страшным
восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет.
Зарецкий бережно кладет
На сани труп оледенелый;
Домой везет он страшный
клад.
Почуя мертвого, храпят
И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила,
И полетели как стрела.

<...>

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?

Дмитриев

Как не любить родной Москвы?

Баратынский

Гоненье на Москву! что значит
видеть свет!
Где ж лучше?
Где нас нет.

Грибоедов

<...>

VIII. IX. X

Мой бедный Ленский!
изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невеста молодая

Своей печали неверна.
Другой увлек ее вниманье,
Другой успел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан умел ее пленить,
Улан любим ее душою...
И вот уж с ним пред алтарем
Она стыдливо под венцом
Стоит с поникшей головою,
С огнем в потупленных очах,
С улыбкой легкой на устах.

<...>

XII

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, с дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покрылось
Ее печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцо,
И всё, прощаясь, суетилось
Вокруг кареты молодых,
Татьяна проводила их. <...>

XIV

И в одиночестве жестоком
Сильнее страсть ее горит,
И об Онегине далеком
Ей сердце громче говорит.
Она его не будет видеть;
Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего;
Поэт погиб... но уж его
Никто не помнит, уж другому
Его невеста отдалась.
Поэта память пронеслась
Как дым по небу голубому,
О нем два сердца, может быть,
Еще грустят... На что грустить?.. <...>

XXVII

Старушка очень полюбила
Совет разумный и благой;
Сочлась — и тут же положила
В Москву отправиться зимой.
И Таня слышит новость эту.
На суд взыскательному свету
Представить ясные черты
Провинциальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый склад речей;
Московских франтов и цирцей
Привлечь насмешливые взгляды!..
О страх! нет, лучше и верней
В глуши лесов остаться ей.

XXVIII

Вставая с первыми лучами,
Теперь она в поля спешит

И, умиленными очами
Их озирая, говорит:
«Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса;
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа;
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует...
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?»

<...>

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee welle.

Byron[1]

<...>

XII

Предметом став суждений
шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным
чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже Демоном моим.
Онегин (вновь займуся им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

XIII

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное
свойство,
Немногих добровольный
крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день,
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

XIV

Но вот толпа заколебалась,
По зале шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.

[1] Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай. *Байрон (англ.)*.

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut[1]...
(Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.) <...>

XVII

«Ужели, — думает Евгений: —
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных
селений...»
И неотвязчивый лорнет
Он обращает поминутно
На ту, чей вид напомнил
смутно
Ему забытые черты.
«Скажи мне, князь, не знаешь
ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит.
— Ага! давно ж ты не был
в свете.
Постой, тебя представлю я. —
«Да кто ж она?» — Жена
моя. —

XVIII

«Так ты женат! не знал я
ране!
Давно ли?» — Около двух
лет. —
«На ком?» — На Лариной. —
«Татьяне!»
— Ты ей знаком? — «Я им
сосед».
— О, так пойдем же. — Князь
подходит
К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.
Княгиня смотрит на него...
И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.
<...>

XX

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине,
В начале нашего романа,
В глухой, далекой стороне,
В благом пылу нравоученья,
Читал когда-то наставленья,
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где всё наруже, всё на воле,

---

[1] благородства *(франц.)*.

Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он
Пренебрегал в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равнодушна, так смела?

XXI

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грусной, то прелестной
Его встревожен поздний сон.
Проснулся он; ему приносят
Письмо: князь N покорно просит
Его на вечер. «Боже! к ней!..
О буду, буду!» и скорей
Марает он ответ учтивый.
Что с ним? в каком он странном сне?
Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьет; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит;
Татьяну он одну находит;
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрит он: она
Сидит покойна и вольна.

XXIII

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный tête-à-tête[1];
С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет.
Они смеются. Входят гости.
Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глупого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантства,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.

<...>

XXVIII

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!

[1] разговор наедине *(франц.)*.

Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки
нежной
В сей величавой, в сей
небрежной
Законодательнице зал?
И он ей сердце волновал!
Об нем она во мраке ночи,
Пока Морфей не прилетит,
Бывало, девственно грустит,
К луне подъемлет томны очи,
Мечтая с ним когда-нибудь
Свершить смиренный жизни
путь!

XXIX

Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным
сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям;
В дожде страстей они
свежеют,
И обновляются, и зреют —
И жизнь могучая дает
И пышный цвет и сладкий
плод.
Но в возраст поздний
и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвой
след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

XXX

Сомненья нет: увы! Евгений
В Татьяну как дитя влюблен;
В тоске любовных
помышлений
И день и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, стеклянным
сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень;
Он счастлив, если ей накинет
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки, или раздвинет
Пред нею пестрый полк
ливрей,
Или платок подымет ей.

XXXI

Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова
три,
Порой одним поклоном
встретит,
Порою вовсе не заметит:
Кокетства в ней ни капли
нет —
Его не терпит высший свет.
Бледнеть Онегин начинает:

Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин сохнет — и едва ль
Уж не чахоткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к водам.

XXXII

А он не едет; он заране
Писать ко прадедам готов
О скорой встрече; а Татьяне
И дела нет (их пол таков);
А он упрям, отстать не хочет,
Еще надеется, хлопочет;
Смелей здорового, больной,
Княгине слабою рукой
Он пишет страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не вотще;
Но, знать, сердечное
страданье
Уже пришло ему невмочь,
Вот вам письмо его
точь-в-точь.

ПИСЬМО ОНЕГИНА К ТАТЬЯНЕ

Предвижу всё: вас
оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!
Случайно вас когда-то
встретя,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский
пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем
не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Нет, поминутно видеть
вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными
глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше
совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот
блаженство!
И я лишен того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.

И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

XXXIII

Ответа нет. Он вновь посланье.
Второму, третьему письму
Ответа нет. В одно собранье
Он едет; лишь вошел... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видят, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!
Как удержать негодованье
Уста упрямые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слез?.. Их нет, их нет!
На сем лице лишь гнева след... <...>

XL

Стремит Онегин? Вы заране
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей Татьяне
Мой неисправленный чудак.
Идет, на мертвеца похожий.
Нет ни одной души в прихожей.
Он в залу; дальше: никого.
Дверь отворил он. Что ж его
С такою силой поражает?
Княгиня перед ним, одна,

Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слезы льет рекой.
Опершись на руку щекой.

XLI

О, кто б немых ее страданий
В сей быстрый миг не
прочитал!
Кто прежней Тани, бедной
Тани
Теперь в княгине б не узнал!
В тоске безумных сожалений
К ее ногам упал Евгений;
Она вздрогнула и молчит;
И на Онегина глядит
Без удивления, без гнева...
Его больной, угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей внятно всё. Простая дева,
С мечтами, сердцем прежних
дней,
Теперь опять воскресла в ней.

XLII

Она его не подымает
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей...
О чем теперь ее мечтанье?..
Проходит долгое молчанье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я
должна
Вам объясниться откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суровость.
Не правда ль? Вам была
не новость
Смиренной девочки любовь?
И нынче — Боже! — стынет
кровь,
Как только вспомню взгляд
холодный
И эту проповедь... Но вас
Я не виню: в тот страшный
час
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной;
Я благодарна всей душой...

XLIV

Тогда — не правда ли? —
в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась...
Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем
свете

Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях
изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принесть
Вам соблазнительную честь?

XLI

Я плачу... если вашей Тани
Вы не забыли до сих пор,
То знайте: колкость вашей
брани,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было
власти,
Я предпочла б обидной
страсти
И этим письмам и слезам.
К моим младенческим мечтам
Тогда имели вы хоть жалость,
Хоть уважение к летам...
А нынче!— что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

XLVI

А мне, Онегин, пышность
эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я
рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...

XLVII

А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной
Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь
Я вас люблю (к чему
лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!

Но шпор внезапный звон
раздался,
И муж Татьяны показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путем одним
Бродили пó свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

XLIX

Кто б ни был ты, о мой
читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как
приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь ни искал в строфах
небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых
слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай Бог, чтоб в этой книжке
ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальных
сшибок
Хотя крупицу мог найти.
Засим расстанемся, прости!

L

Прости ж и ты, мой спутник
странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд. Я с вами
знал
Всё, что завидно для поэта:
Забвенья жизни в бурях
света,
Беседу сладкую друзей.
Промчалось много, много
дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явилися впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл[1]
Еще не ясно различал.

LI

Но те, которым в дружной
встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

---

[1] *Магический кристалл* — небольшой стеклянный шар, применявшийся при гадании.

Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

Вопросы и задания

1. Какую оценку дает В.Г. Белинский роману «Евгений Онегин»?
2. В чем заключаются противоречия в личности Онегина?
3. Как описание жизни, детали обстановки, окружающей Онегина, характеризуют его?
4. Каково отношение автора к Онегину?
5. Что привлекает и что отталкивает нас в личности Онегина?
*6. Сравните Онегина и Чацкого.
7. Каково отношение автора к Ленскому?
8. Что в личности Татьяны вызывает симпатии?
9. Каково значение лирических отступлений в романе?
10. Каковы особенности жанра романа в стихах?
11. Каковы композиционные особенности романа «Евгений Онегин»?
12. Почему «Евгений Онегин» считается первым русским реалистическим романом?

Советуем прочитать

Бурсов Б. Судьба Пушкина.

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

(1814–1841)

М.Ю. Лермонтов — продолжатель и наследник пушкинских традиций в русской литературе — родился в Москве в 1814 году. Детство его прошло в Тарханах, в имении бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Мать умерла, когда ему не было еще трех лет.

В Тарханах поэт узнал и навсегда полюбил красоту родного края, русские песни, сказания, былины. Михаил, благодаря бабушкиному воспитанию, владел английским, французским, немецким языками, занимался живописью, играл на скрипке и рояле, прекрасно читал стихи.

Поэтическое дарование Лермонтова обнаружилось необычайно рано. До нас дошли стихи и поэмы 14-летнего юноши — «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата». Начинающего поэта привлекают Пушкин и «байроническая поэма». Поэтому для первых поэм Лермонтова характерна центральная фигура героя — волевая, сильная личность, обуреваемая страстями и враждующая с обществом. Обязательный мотив в такой поэме — трагическая любовь. Именно любовь является для героя единственным выходом из одиночества.

В 1830 году Лермонтов поступает на нравственно-политическое отделение Московского университета. В этот период в лирике Лермонтова появляется жанр лирического размышления. В Московском университете (1830—1832) Лермонтов сформировался как передовой человек и замечательный поэт. Вместе с ним учились Белинский, Герцен, Огарев. Под их влиянием формировались взгляды

молодого поэта. Начитанного, широко образованного Лермонтова не удовлетворяли лекции некоторых реакционно настроенных профессоров. Занятия он посещал нерегулярно, но на экзаменах отвечал обстоятельно, уверенно. Однажды профессор словесности Победоносцев сделал поэту замечание: «Я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил». Последовал справедливый, но слишком резкий ответ: «Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас ещё не дошло». Лермонтову дали понять, что его пребывание в Московском университете нежелательно.

В 1832 году Лермонтов переехал в Петербург. В одном из писем он делится своими впечатлениями.

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни глянешь, красный ворот[1]
Как шиш торчит перед тобой...

Первое время Лермонтов живет воспоминаниями о Москве. Там остались родные и друзья; в Москве он «много страдал, в ней был чрезмерно счастлив».

В Петербургском университете, куда стремился поступить Лермонтов, ему не зачли два курса, прослушанных в Московском университете, и он определился в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Лермонтов говорил впоследствии, что провел «два страшных года» в казарме. Жизнь была заполнена строевыми занятиями, смотрами, парадами, а творчеству уделялись лишь редкие часы.

Наблюдения за нравами офицеров и светского общества Лермонтов обобщил в незавершенном романе «Княгиня Лиговская» и в драме «Маскарад».

Лермонтов не был знаком с Пушкиным, но знал и высоко ценил его творчество. Печальное известие о кончине поэта потрясло его. Он пишет стихотворение «Смерть поэта», которое переписывается и расходится по Петербургу и другим городам России. Во дворец оно попадает с припиской, сделанной неизвестным лицом: «Воззвание к революции». Так оценил его и Бенкендорф: «Вступление к

[1] *Красный ворот* — алый воротник форменного мундира полицейских.

этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». «Приятные стихи, нечего сказать», — зловеще иронизирует Николай I и добавляет: «Мы поступим с ним (Лермонтовым) согласно закону».

За написание «непозволительных стихов» Лермонтова перевели в Нижегородский драгунский полк, который стоял недалеко от Тифлиса и участвовал в войне с горцами. На Кавказе он познакомился с выдающимся грузинским поэтом А.Г. Чавчавадзе, с его дочерью — вдовой А.С. Грибоедова, с ссыльными декабристами. Е.А. Арсеньева неустанно хлопотала о возвращении любимого внука в полк, в котором он служил раньше. Ее прошение поддержал Жуковский. Осенью 1837 года Лермонтова перевели в Новгород, а весной следующего года разрешили служить в столице. В эти годы он опубликовал «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», написал «Мцыри» и переработал поэму «Демон», начатую в 1829 году.

В 1840 году тайные враги поэта вручили сыну французского посла де Баранта эпиграмму. Хотя она была написана Лермонтовым несколько лет назад и адресована другому лицу, Баранта уверили в том, что русский поэт оскорбил именно его. Произошла ссора.

— Если бы я был в своем отечестве, — вскипел француз, — то знал бы, как кончить дело!

— В России следуют правилам чести, так же строго, как и везде, — с достоинством отвечал Лермонтов.

За участие в дуэли в марте 1840 года Лермонтов был отправлен в действующую армию на Кавказ. В июне 1840 года ссыльный поэт прибывает в Ставрополь, а в июле уже участвует в стычках с горцами.

В Пятигорске на одном из вечеров в семействе Верзилиных шутка Лермонтова задела Мартынова, человека шумного и болезненно самолюбивого. Ссора повлекла за собой вызов; не придавая значения размолвке, поэт принял его, твердо решив не стрелять в товарища. Поэт был убит 15 июля 1841 года.

Смерть Лермонтова была тяжелым ударом для русской литературы, имела широкий общественный резонанс и рассматривалась как убийство. Однако Лермонтов явился жертвой той общественной атмосферы, которой он был враждебен направлением и пафосом своего творчества.

ЛИРИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Ранние стихотворения Лермонтова — своеобразный лирический дневник, откровенный разговор с самим собой, чистосердечная исповедь молодого человека.

В целом лирика М. Лермонтова проникнута скорбью и как будто звучит жалобой на жизнь. Но настоящий поэт говорит в стихах не о своем личном «я», а о человеке своего времени, об окружающей его действительности. В юношеском стихотворении «Слава» он говорит:

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет все душа моя
Во всем дойти до совершенства.

Вот настоящая, ясно выраженная основа жалоб Лермонтова на жизнь, на одиночество, вот основа его негодования, ненависти и презрения. Лермонтов жаловался на жизнь и на свое поколение («Печально я гляжу на наше поколенье...») не потому, что был угрюм и нелюдим, а потому, что был человеком больших требований, больших идеалов и стремлений.

Сознание одиночества не отрывало Лермонтова от жизни, не уводило его в мир отвлеченных мечтаний.

И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли, —

пишет поэт в стихотворении «1830. Мая, 16 числа». Эта же мысль развита в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...», принадлежащем к «лучшим созданиям Лермонтова» (Белинский). Поэт взволнован величием ночи, очарован торжественной тишиной и покоем, разлитыми в природе. Это настроение передается и нам, читателям. Мы видим и «кремнистый путь», и «сиянье голубое», и яркие звезды, ощущаем торжественную тишину ночи. Это гимн красоте, гармонии свободной и могучей природы, не знающей противоречий.

От ночного пейзажа, тонущего в голубом сиянии, мысль поэта обращается к человеческому обществу, в котором бушуют страсти и душевные тревоги, к своим грустным мыслям. Поэту «больно и ... трудно» оттого, что нет «свободы и покоя». Но он любит жизнь с

ее страданиями и радостями, гонит прочь промелькнувшую мысль о холодном сне могилы». В заключительных строчках стихотворения появляется образ дуба как символ вечной жизни.

В стихотворениях «И скучно и грустно...» и «Выхожу один я на дорогу...» наиболее полно отразились особенности лирики Лермонтова, приемы его письма. Взгляд поэта сосредоточен не столько на внешнем мире, сколько на душевных переживаниях человека. Он обнажает борьбу противоречивых мыслей и влечений. Стихи Лермонтова — это почти всегда напряженный, внутренний монолог, искренняя исповедь, себе же задаваемые вопросы и есть ответы на них.

Революционная тема в лирике Лермонтова сливается с темой личного участия в общественной борьбе. Ради свободы порабощенного народа поэт готов пожертвовать своей свободой и даже жизнью.

За дело общее, быть может, я паду.
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу...

«Из Андрея Шенье». 1831

«За дело общее» Лермонтов смело выступил в 1837 году, когда трагически погиб Пушкин.

«Смерть поэта» — одно из лучших стихотворений поэта. Оно состоит из двух частей. Первая напоминает элегию, в каждой строчке которой слышатся приглушенные рыдания, чувствуется напряженный гнев. Разностопный ямб, риторические вопросы — короткие восклицательные предложения, повторы, паузы, напряжения, умолчания и намеки, обозначенные многоточиями, — все это придает поэтической речи предельную взволнованность. В первой части открытое негодование прорывается лишь в тех стихах, в которых говорится о Дантесе:

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет.
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.

Нетрудно догадаться, кого Лермонтов имел в виду, когда писал: «Вы... злобно гнали его свободный, смелый дар», «они венец терновый, увитый лаврами, надели на него»...

Они — это придворная знать, продажные журналисты, идейные защитники самодержавия, жандармы николаевской России.

Презирая опасность, Лермонтов пишет вторую часть стихотворения. Заключительные строки — это беспощадная обвинительная речь оратора-патриота. Пушкина погубили «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов».

Лермонтов беспредельно любил русский народ, тонко чувствовал красоту родной природы. По словам Белинского, в стихотворениях Лермонтова «говорит чувство, которое так полно, что не требует поэтических образов для своего выражения: ему не нужно убранства, не нужно украшений». Лучшее подтверждение этому такие стихотворения, как «Горные вершины...», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Утес», «Тучи», «Выхожу один я на дорогу...».

Взгляды Лермонтова на поэта и поэзию менялись по мере развития в его творчестве реалистических тенденций. Тревога за судьбу русской литературы звучит в стихотворении «Поэт», построенном на развернутом сравнении. Поэзия сравнивается с кинжалом, который может быть грозным оружием или ничтожной «игрушкой золотой» в зависимости от того, кто им владеет. Отсюда сопоставление:

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Поэзия самого Лермонтова, как мы видим, была тесно связана с развитием прогрессивной русской общественной мысли, с запросами времени. Это отметил Белинский. Критик увидел в стихотворениях поэта «все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия». Лермонтов, по словам Белинского, «поэт русский в душе — в нем живет прошлое и настоящее русской жизни».

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб Поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта

Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что́ он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..
И прежний сняв венок, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

—

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:

Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

1837

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам, —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

ПРОРОК

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья —
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи.

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная.
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

1841

Вопросы и задания

1. Перечислите основные этапы жизненного пути Лермонтова.
2. Почему судьба молодого поэта оказалась столь же трагичной, как и судьба Пушкина?
3. Назовите отличительные особенности поэзии Лермонтова.
4. Почему о поэзии Лермонтова можно сказать, что это исповедь?
5. Какова роль пейзажа в стихотворениях Лермонтова?
6. Какую роль в жизни Лермонтова сыграло стихотворение «Смерть поэта»?
7. Кого обвиняет Лермонтов в смерти Пушкина и почему?
8. Какими были взгляды Лермонтова на поэта и поэзию?
9. Почему поэт в стихотворении «Родина» называет свою любовь к отчизне «страшною любовью»?
10. Какие основные поэтические приемы использует Лермонтов в своей лирике?
11. Выучите любое стихотворение и проанализируйте его.

*12. Сравните стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» и стихотворение с одноименным названием М.Ю. Лермонтова.

Для самостоятельного чтения

Лермонтов М.Ю. «Не смейся над моей пророческой тоскою», «Молитва», «Как часто пестрою толпою окружен», «И скучно, и грустно», «Тучи», «Выхожу один я на дорогу».

О РОМАНЕ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Лермонтов начал писать роман в 1838 году, основываясь на кавказских впечатлениях. И уже в 1840 году роман увидел свет и сразу же привлек внимание читателей и литераторов. Будучи социально-психологическим романом в целом «Герой нашего времени» — это и лирический дневник («Княжна Мери»), и философская повесть («Фаталист»), и изумительный по естественной непринужденности рисунка «приключенческий рассказ» («Тамань»), и путевой очерк (начало «Бэлы» и «Максим Максимыч»), и романтическая поэма («Бэла»).

В романе решается та же злободневная проблема, которая была поставлена в стихотворении «Дума»: почему люди умные и энергичные не находят применения своим недюжинным способностям и «вянут без борьбы» в самом начале жизненного поприща? На этот вопрос Лермонтов отвечает историей жизни Печорина, молодого человека, принадлежащего к поколению 30-х годов. Задача Лермонтова — углубленный психологический анализ современного человека, сделанный на основе проблем личной и общественной морали. Отсюда — построение романа не по принципу хронологической последовательности, а по принципу постепенного ознакомления читателя с умственным и душевным миром героя: от рассказа Максима Максимыча о Печорине — к его «журналу» (то есть дневнику).

Задаче всестороннего и глубокого раскрытия героя и той среды, которая воспитала его, подчинены композиция, сюжет произведения и вся система образов.

Роман состоит из пяти повестей: «Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист». Каждая повесть представляет собой самостоятельное художественное произведение и в то же время является частью романа. Повести объединены образом Печорина, который занимает центральное место в системе образов.

Сюжет романа основан на событиях, связанных с жизнью Печорина, и развиваются они на Кавказе. Место действия выбрано автором не случайно: на Кавказ ссылались критически мыслящие люди, к числу которых и принадлежит Печорин. Обстановка, события, люди — все привлекается для того, чтобы зримо, в полный

рост показать Печорина, раскрыть его сложный, противоречивый духовный мир. Этой задаче подчинена и манера повествования. Автор отделяет от себя главного героя.

Сначала Печорин как бы показан со стороны: о жизни героя рассказывает штабс-капитан Максим Максимыч, проживший с ним несколько месяцев в крепости («Бэла»). В повести «Максим Максимыч» сам автор говорит о своей встрече с Печориным, а повести «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист» представляют собой дневник Печорина, опубликованный якобы автором романа. Такое построение заинтересовывает читателя и заставляет напряженно следить за событиями.

В начале романа автор стремится показать противоречивые поступки Печорина: в повестях «Бэла» и «Максим Максимыч» его поведение кажется загадочным и непонятным. Но вот автор открывает страницы дневника «того, кто так беспощадно выставлял наружу свои собственные слабости и пороки», и читатель начинает понимать тайные и явные мотивы поступков героев.

Трагическая биография Печорина есть плод общественного зла, а не личных его недостатков. Отсюда — глубокая ирония, пронизывающая весь роман и обращенная не к личности Печорина, а к обществу, к «поколению», к «нашему времени». Лермонтов ясно намекает на это в конце предисловия к «Журналу Печорина». Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» — скажут они. — Не знаю. Это замечательное «не знаю» — вовсе не отказ, а намек на то, что дело идет не просто о личном «характере» героя, а о гораздо более важном, сложном и злободневном вопросе — об общественной трагедии, трагедии целого поколения, обреченного на бездействие.

Характер Печорина сложен и противоречив. Герой романа говорит о себе: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...» Каковы причины этой раздвоенности? «Моя беспросветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли...» — признается Печорин. Он научился быть скрытным, стал злопамятным, желчным, завистливым, сделался, по его словам, нравственным калекой. Но мы не можем не видеть, что Печорин на голову выше окружающих его людей, что

он умен, образован, талантлив, храбр, энергичен. Нас отталкивает равнодушие Печорина к людям, его неспособность к настоящей любви, к дружбе, его индивидуализм и эгоизм. Печорин увлекает нас жаждой жизни, стремлением к лучшему, умением критически оценить свои поступки. Он впустую растрачивает свои силы, он приносит страдания другим людям. Но мы видим, что и сам он глубоко страдает.

В повести «Бэла» Печорин показан среди горцев. В «Герое нашего времени» и природа Кавказа, и быт, и характеры горцев изображены реалистически. Например, рисуя характер Казбича, автор сознательно избегает преувеличений, внешних эффектов. Казбич — цельная натура, человек молниеносных и решительных действий, неспособный забывать причиненное ему зло. И хотя он жестоко мстит за украденного коня, он не романтический злодей. Просто он живет соответственно укладу жизни горцев. Заветы предков определяют и поведение Азамата, которому не терпится стать взрослым. Он легко усваивает мораль своих отцов.

Лермонтов мастерски рисует портрет горянки Бэлы: «И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу».

Автор обращает особое внимание на ее глаза, в которых отражается глубина и сила чувства. Бэла способна любить страстно и самозабвенно, хотя и не любит говорить о любви. Бэла молчалива, с чувством собственного достоинства отвергает любовь Печорина в начале, но когда он отвергает ее любовь, она страдает и чахнет.

Печальна история всех женщин, любивших Печорина. Печальна история и Веры — единственной женщины, которую Печорин любил глубоко и сильно, хотя его любовь принесла и ей только горе и страдание. Вера так говорит о его любви: «... ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявших взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна».

В истории с Мери Печорин выступает одновременно и жестоким мучителем, и глубоко страдающим человеком. Его могучий характер произвел неотразимое впечатление на юную Мери, которая не столько поняла, сколько почувствовала, что Печорин привлекателен даже в своих пороках.

Какими жалкими показались ей в обществе Печорина ее поклонники («блестящие» трусливые адъютанты) во главе с

Грушницким. Мери потянулась к сильной личности, но не поняла его мятежной, противоречивой души. Печорин, боясь утратить свою независимость, порывает с ней. Разрыв этот означает только то, что Печорин восстает против того семейного уклада, который сложился в светском обществе, именуемым «водяное общество». В душе Печорина зреет отвращение к людям этого общества, среди которых он вынужден жить.

К этому обществу стремится принадлежать Грушницкий. Он — прямой антипод Печорина. Грушницкий играет в разочарование, его поступками движет мелкое самолюбие. Он принадлежит к людям, страсть которых состоит в том, чтобы позировать и декламировать, не понимая и не чувствуя прекрасного в жизни. Когда затронуто самолюбие, Грушницкий забывает о чести и порядочности. Ссора и дуэль с Печориным — лучшее тому доказательство — он готов выстрелить в безоружного. Вот почему все наши симпатии на стороне Печорина, несмотря на трагическую развязку дуэли. Вот почему автор отчасти оправдывает ту жестокость, какую проявляет Печорин в борьбе с Грушницким.

Из пестрой толпы «водяного общества» Печорин выделяет доктора Вернера. Они «часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах очень серьезно...». Что же сближает этих людей?

Печорин и Вернер — скептики. Они ничего не принимают на веру, все подвергают сомнению. Оба не удовлетворены жизнью, оба критически относятся к самодовольным, ограниченным франтам, принимающим «академические позы».

Доктор Вернер, поставленный рядом с Печориным, нужен автору для того, чтобы показать разочарованность как явление типичное, как болезнь века, захватившую различные социальные прослойки русского общества. Вернер — разночинец. Печорин — дворянин. Но они единодушны в отрицании уклада жизни дворянского общества.

В «Тамани» романтическая приподнятость повествования гармонически сочетается с сугубо реалистической обрисовкой характеров и быта вольных контрабандистов. Но любуясь силой, ловкостью, отвагой этих людей, Лермонтов, верный жизненной правде, обнажает их скудный духовный мир. Лермонтов вновь вводит Печорина в чуждую ему социальную среду, чтобы обнажить пустоту и бесцельность жизни героя.

Противоречивость и раздвоенность Печорина еще отчетливее выступают в сопоставлении его с Максимом Максимычем. С большой симпатией рисует автор простого армейского офицера штабс-капитана Максима Максимыча. Честнейший и добродушный человек, он огрубел и отяжелел, прослужив всю жизнь на передовой кавказской линии. «Это тип чисто русский», — говорит о нем Белинский.

Особую роль в раскрытии психологического состояния героев играют пейзажи, отличающиеся точностью, строгостью, ясностью и впечатляющей образностью языка и стиля. Они неразрывно связаны с переживаниями героев, выражают их чувства и настроения, проникнуты глубоким лиризмом.

На последних страницах новеллы «Фаталист», завершающей роман, Печорин называет себя и свое поколение «жалкими потомками, скитающимися по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха... неспособными более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья...»

Бесцельность существования, духовная опустошенность приводят к тому, что Печорин становится «лишним человеком» в обществе. И в этом его трагедия.

Лермонтов создал правдивый, типичный образ, в котором отразились существенные черты целого поколения. В предисловии к роману автор пишет, что Печорин — «это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

Высоко оценил труд Лермонтова его великий современник — Гоголь. «Никто еще не писал у нас такого правильного, прекрасного и благоуханного прозою. Тут видно больше углубления в действительность жизни — готовился будущий великий живописец русского быта». Гоголь, как и Белинский, обратил внимание на то, что творчество Лермонтова нельзя отрывать от действительности, от русской почвы.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(Фрагменты)

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно

читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что, ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастию, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж Бог знает!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

БЭЛА

Я ехал на перекладных[1] из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Бóльшая часть из них, к счастию для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастию для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

---

[1] *Перекладные* — казенные лошади, менявшиеся на каждой почтовой станции.

Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана[1]. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком. <...>

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кое-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика...

... — Хорошо вам радоваться, а мне так, право, грустно, как вспомню. Славная была девочка эта Бэла! Я к ней, наконец, так привык, как к дочери, и она меня любила. Надо вам сказать, что у меня нет семейства; об отце и матери я лет двенадцать уж не имею известия, а запастись женой не догадался раньше, — так теперь уж, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашел кого баловать. Она, бывало, нам поет песни иль пляшет лезгинку...

А уж как плясала! Видал я наших губернских барышень, я раз был-с и в Москве в Благородном собрании[2], лет двадцать тому назад, — только куда им! совсем не то!.. Григорий

---

[1] *Духа́н* — сельский кабачок на Кавказе.

[2] *Благородное собрание* — дворянский клуб, в залах которого устраивались балы.

Александрович наряжал ее как куколку, холил и лелеял; и она у нас так похорошела, что чудо; с лица и с рук сошел загар, румянец разыгрался на щеках... Уж какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Бог ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго от нее это скрывали, пока она не привыкла к своему положению; а когда сказали, так она два дня поплакала, а потом забыла.

Месяца четыре все шло как нельзя лучше. Григорий Александрович, я уж, кажется, говорил, страстно любил охоту: бывало, так его в лес и подмывает за кабанами или козами, — а тут хоть бы вышел за крепостной вал. Вот, однако же, смотрю, он стал снова задумываться, ходит по комнате, загнув руки назад; потом раз, не сказав никому, отправился стрелять, — целое утро пропадал; раз и другой, все чаще и чаще... «Нехорошо, — подумал я, — верно, между ними черная кошка проскочила!»

Одно утро выхожу к ним — как теперь перед глазами: Бэла сидела на кровати в черном шелковом бешмете, бледненькая, такая печальная, что я испугался.

— А где Печорин? — спросил я.

— На охоте.

— Сегодня ушел? — Она молчала, как будто ей трудно было выговорить.

— Нет, еще вчера, — наконец, сказала она, тяжело вздохнув.

— Уж не случилось ли с ним чего?

— Я вчера целый день думала, думала, — отвечала она сквозь слезы, — придумывала разные несчастия: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба его — я княжеская дочь!..

Я стал ее уговаривать.

— Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь, как пришитому к твоей юбке: он человек молодой, любит погоняться за дичью, — походит, да и придет: а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь.

— Правда, правда! — отвечала она, — я буду весела. — И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно; она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было с нею мне делать? Я, знаете, никогда с женщинами не обращался; думал, думал, чем ее утешить, и ничего не придумал; несколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положение-с!

Наконец я ей сказал: «Хочешь, пойдем прогуляться на вал? погода славная!» Это было в сентябре; и точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке. Мы пошли, походили по крепостному валу взад и вперед, молча; наконец она села на дерн, и я сел возле нее. Ну, право, вспомнить смешно: я бегал за нею, точно какая-нибудь нянька.

Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками[1], оканчивалась лесом; который тянулся до самого хребта гор; кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны; с другой — бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть все. Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади, все ближе и ближе, и, наконец, остановился по ту сторону речки, саженях

---

[1] овраги. (*Прим.* Лермонтова.)

во сте от нас, и начал кружить лошадь свою как бешеный. Что за притча!..

— Посмотри-ка, Бэла, — сказал я, — у тебя глаза молодые, что это за джигит: кого это он приехал тешить?..

Она взглянула и вскрикнула:

— Это Казбич!..

— Ах он разбойник! смеяться, что ли, приехал над нами? — Всматриваюсь, точно Казбич: его смуглая рожа, оборванный, грязный, как всегда.

— Это лошадь отца моего, — сказала Бэла, схватив меня за руку; она дрожала, как лист, и глаза ее сверкали. «Ага! подумал я, и в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь!»

— Подойди-ка сюда, — сказал я часовому, — осмотри ружье да ссади мне этого молодца, — получишь рубль серебром.

— Слушаю, ваше высокоблагородие; только он не стоит на месте...

— Прикажи! — сказал я, смеясь...

— Эй, любезный! — закричал часовой, махая ему рукой, — подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?

Казбич остановился в самом деле и стал вслушиваться: верно, думал, что с ним заводят переговоры, — как не так!.. Мой гренадер приложился... бац!.. мимо, — только что порох на полке вспыхнул; Казбич толкнул лошадь, и она дала скачок в сторону. Он привстал на стременах, крикнул что-то по-своему, погрозил нагайкой — и был таков.

— Как тебе не стыдно! — сказал я часовому.

— Ваше высокоблагородие! умирать отправился, — отвечал он, — такой проклятый народ, сразу не убьешь.

Четверть часа спустя Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствие... Даже я уж на него рассердился.

— Помилуйте, — говорил я, — ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич, и мы по нем стреляли; ну, долго ли вам на него наткнуться? Эти горцы народ мстительный; вы думаете, что он

не догадывается, что вы частию помогли Азамату? А я бьюсь об заклад, что нынче он узнал Бэлу. Я знаю, что год тому назад она ему больно нравилась, — он мне сам говорил, — и если б надеялся собрать порядочный калым, то, верно бы, посватался...

Тут Печорин задумался. «Да, — отвечал он, — надо быть поосторожнее... Бэла, с нынешнего дня ты не должна более ходить на крепостной вал».

Вечером я имел с ним длинное объяснение: мне было досадно, что он переменился к этой бедной девочке; кроме того, что он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он ее редко, и она заметно начинала сохнуть, личико ее вытянулось, большие глаза потускнели. Бывало, спросишь ее: «О чем ты вздохнула, Бэла? ты печальна?» — «Нет!» — «Тебе чего-нибудь хочется?» — «Нет» — «Ты тоскуешь по родным?» — «У меня нет родных». Случалось, по целым дням, кроме «да» да «нет», от нее ничего больше не добьешься.

Вот об этом-то я и стал ему говорить. «Послушайте, Максим Максимыч, — отвечал он, — у меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, Бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастия других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое утешение — только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, — но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ; это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука

не живет под чеченскими пулями, — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров, — и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, — только мне с нею скучно... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь — только не в Европу, избави Боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию, — авось где-нибудь умру на дороге! По крайней мере, я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощию бурь и дурных дорог». Так он говорил долго, и его слова врезались у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека, и, Бог даст, в последний... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, — продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне, — вот вы, кажется, бывали в столице, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?..

...Мы ехали рядом, молча, распустив поводья, и были уже почти у самой крепости: только кустарник закрывал ее от нас. Вдруг выстрел... Мы взглянули друг на друга: нас поразило одинаковое подозрение... Опрометью поскакали мы на выстрел, — смотрим: на валу солдаты собрались в кучку и указывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит

что-то белое на седле. Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла — и туда; я за ним.

К счастию, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались из-под седла, и с каждым мгновением мы были все ближе и ближе... И наконец я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему: «Это Казбич!..» Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью.

Вот наконец мы были уже от него на ружейный выстрел: измучена ли была у Казбича лошадь или хуже наших, только, несмотря на все его старания, она не больно подавалась вперед. Я думаю, в эту минуту он вспомнил своего Карагёза...

Смотрю: Печорин на скаку приложился из ружья... «Не стреляйте! — кричу я ему, — берегите заряд; мы и так его догоним». Уж эта молодежь! вечно некстати горячится... Но выстрел раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади; она сгоряча сделала еще прыжков десять, споткнулась и упала на колени; Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках своих женщину, окутанную чадрою... Это было Бэла... бедная Бэла! Он что-то нам закричал по-своему и занес над нею кинжал... Медлить было нечего: я выстрелил в свою очередь, наудачу; верно, пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку... Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь и возле нее Бэла; а Казбич, бросив ружье, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утес; хотелось мне его снять оттуда — да не было заряда готового! Мы соскочили с лошадей и кинулись к Бэле. Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей: хоть бы в сердце ударил — ну, так уж и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар! Она была без памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану как можно туже; напрасно Печорин целовал ее холодные губы — ничто не могло привести ее в себя.

Печорин сел верхом; я поднял ее с земли и кое-как посадил к нему на седло; он обхватил ее рукой, и мы поехали назад. После

нескольких минут молчания Григорий Александрович сказал мне: «Послушайте, Максим Максимыч, мы этак ее не довезем живую. — «Правда», — сказал я, и мы пустили лошадей во весь дух. Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем. Он был хотя пьян, но пришел: осмотрел рану и объявил, что она больше дня жить не может; только он ошибся...

— Выздоровела? — спросил я штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нет, — отвечал он, — а ошибся лекарь тем, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мне, каким образом ее похитил Казбич?

— А вот как: несмотря на запрещение Печорина, она вышла из крепости к речке. Было, знаете, очень жарко; она села на камень и опустила ноги в воду. Вот Казбич подкрался — цап-царап ее, зажал рот и потащил в кусты, а там вскочил на коня, да и тягу! Она между тем успела закричать; часовые всполошились, выстрелили, да мимо, а мы тут и подоспели.

— Да зачем Казбич ее хотел увезти?

— Помилуйте! да эти черкесы известный воровской народ: что плохо лежит, не могут не стянуть; другое и не нужно, а все украдет... уж в этом прошу их извинить! Да притом она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уж с нею измучились порядком. Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. «Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)», — отвечал он, взяв ее за руку. «Я умру!» — сказала она. Мы начали ее утешать, говорили, что лекарь обещал ее вылечить непременно; она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать!..

Ночью она начала бредить; голова ее горела, по всему телу иногда пробегала дрожь лихорадки; она говорила несвязные речи

об отце, брате: ей хотелось в горы, домой... Потом она также говорила о Печорине, давала ему разные нежные названия или упрекала его в том, что он разлюбил свою джанечку...

Он слушал ее молча, опустив голову на руки; но только я во все время не заметил ни одной слезы на ресницах его; в самом ли деле он не мог плакать или владел собою — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывал.

К утру бред прошел; с час она лежала неподвижно, бледная и в такой слабости, что едва можно было заметить, что она дышит; потом ей стало лучше, и она начала говорить, только как вы думаете о чем?.. Этакая мысль придет ведь только умирающему!.. Начала печалиться о том, что она не христианка и что на том свете душа ее никогда не встретится с душою Григория Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить ее перед смертию; я ей это предложил; она посмотрела на меня в нерешимости и долго не могла слова вымолвить; наконец отвечала, что она умрет в той вере, в какой родилась. Так прошел целый день. Как она переменилась в этот день! бледные щеки впали, глаза сделались большие, большие, губы горели. Она чувствовала внутренний жар, как будто в груди у ней лежало раскаленное железо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от ее постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григория Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала ее из своих. Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтоб он ее поцеловал. Он стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и прижал свои губы к ее холодеющим губам; она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу... Нет, она хорошо

сделала, что умерла: ну, что бы с ней сталось, если б Григорий Александрович ее покинул? А это бы случилось, рано или поздно...

Половину следующего дня она была тиха, молчалива и послушна, как ни мучил ее наш лекарь припарками и микстурой. «Помилуйте! — говорил я ему, — ведь вы сами сказали, что она умрет непременно, так зачем тут все ваши препараты?» — «Все-таки лучше, Максим Максимыч, — отвечал он, — чтоб совесть была покойна». Хороша совесть!

После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна — но на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я знал, что эта невыносимая жажда — признак приближения конца, и сказал это Печорину. «Воды, воды!..» — говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

Он сделался бледен как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. Я закрыл глаза руками и стал читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в гошпиталях и на поле сражения, только это все не то, совсем не то!.. Еще, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а, кажется, я ее любил, как отец... ну, да Бог ее простит!.. И правду молвить: что ж я такое, чтоб обо мне вспоминать перед смертью?..

Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам — гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперед рядом, не говоря ни слова, загнув руки за спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия, хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб.

Признаться, я частию для развлечения занялся этим. У меня был кусок термаламы[1], я обил ею гроб и украсил его черкесскими серебряными галунами, которых Григорий Александрович накупил для нее же.

На другой день рано утром мы ее похоронили, за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела; кругом ее могилки теперь разрослись кусты белой акации и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловко: все-таки она была не христианка...

— А что Печорин? — спросил я.

— Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка; только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что это ему будет неприятно, так зачем же? Месяца три спустя его назначили в е...й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались; да, помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было. Впрочем, до нашего брата вести поздно доходят...

Я не перебивал его и не слушал.

Через час явилась возможность ехать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завел разговор о Бэле и Печорине.

— А не слыхали вы, что сделалось с Казбичем? — спросил я.

— С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у шапсугов[2] есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко; да вряд ли это тот самый!..

В Коби мы расстались с Максимом Максимычем; я поехал на почтовых[3], а он, по причине тяжелой поклажи, не мог за мной следовать. Мы не надеялись никогда более встретиться,

---

[1] *Термала́ма* — плотная шелковая или полушелковая ткань.

[2] *Шапсу́ги* — одно из воинственных горских племен.

[3] *Почто́вые* — лошади, нанимавшиеся на почтовых станциях.

однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история... Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ.

II

МАКСИМ МАКСИМЫЧ

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владыкавказ. Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, от статистических замечаний[1], которых решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дня, ибо «оказия»[2] из Екатеринбурга еще не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей; видите: как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это — прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которым ходят обозы через Кабарду из Владыкавказа в Екатериноград.

---

[1] *Статистические замечания* — справки и различные сведения о чем-либо.

[2] *Ока́зия* — удобный случай *(устар.)*.

Первый день я провел очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повозка... А! Максим Максимыч!.. Мы встретились как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!..

...Мы вышли в коридор. В конце коридора была отворена дверь в боковую комнату. Лакей с извозчиком перетаскивали в нее чемоданы.

— Послушай, братец, — спросил у него штабс-капитан, — чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!..

Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан. Максим Максимыч рассердился; он тронул неучтивца по плечу и сказал:

— Я тебе говорю, любезный...

— Чья коляска?.. моего господина...

— А кто твой господин?

— Печорин...

— Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, Боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. — воскликнул Максим Максимыч, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

— Служил, кажется, — да я у них недавно.

— Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим барином были приятели, — прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться...

— Позвольте, сударь: вы мне мешаете, — сказал тот, нахмурившись.

— Экой ты, братец!.. Да знаешь ли? мы с твоим барином были друзья закадычные, жили вместе... Да где же он сам остался?..

Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдет ли он вечером сюда? — сказал Максим Максимыч, — или ты, любезный, не пойдешь ли к нему за чем-нибудь?.. Коли пойдешь, так скажи, что здесь Максим Максимыч;

так и скажи... уж он знает... Я тебе дам восьмигривенный на водку...

Лакей сделал презрительную мину, слыша такое скромное обещание, однако уверил Максима Максимыча, что он исполнит его поручение.

— Ведь сейчас прибежит!.. — сказал мне Максим Максимыч с торжествующим видом, — пойду за ворота его дожидаться... Эх! жалко, что я незнаком с Н...

...Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье; босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня; я их прогнал: мне было не до них, я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шел с полковником Н..., который, доведя его до гостиницы, простился с ним и поворотил в крепость. Я тотчас же послал инвалида за Максимом Максимычем.

Навстречу Печорину вышел его лакей и доложил, что сейчас станут закладывать; подал ему ящик с сигарами и, получив несколько приказаний, отправился хлопотать. Его господин, закурив сигару, зевнул раза два и сел на скамью по другую сторону ворот. Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка

была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит Бальзакова тридцатилетняя кокетка[1] на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб докончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак — или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление

[1] Героиня книги знаменитого французского писателя Оноре де Бальзака (1799–1850) «Тридцатилетняя женщина».

нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление; но так как вы о нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиогномий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Лошади были уже заложены; колокольчик по временам звенел под дугою, и лакей уже два раза подходил к Печорину с докладом, что все готово, а Максим Максимыч еще не являлся. К счастию, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился в дорогу. Я подошел к нему.

— Если вы захотите еще немного подождать, — сказал я, — то будете иметь удовольствие увидаться со старым приятелем...

— Ах, точно! — быстро отвечал он, — мне вчера говорили; но где же он? — Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи... Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колени его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

— Как я рад, дорогой Максим Максимыч! Ну, как вы поживаете? — сказал Печорин.

— А... ты? а вы?.. — пробормотал со слезами на глазах старик... — Сколько лет... сколько дней... да куда это?..

— Еду в Персию — и дальше...

— Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

— Мне пора, Максим Максимыч, — был ответ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?.. как?.. что поделывали?..

— Скучал! — отвечал Печорин, улыбаясь...

— А помните наше житье-бытье в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

— Да, помню! — сказал он, почти тотчас принужденно зевнув...

Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним еще часа два.

— Мы славно пообедаем, — говорил он, — у меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге... А?..

— Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... — прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... Он был печален и сердит, хотя старался скрыть это.

— Забыть! — проворчал он, — я-то не забыл ничего... Ну, да Бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...

— Ну, полно, полно! — сказал Печорин, обняв его дружески, — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться, — Бог знает!.. — Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

— Постой, постой! — закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски, — совсем было забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таскаю с

собой... думал найти вас в Грузии, а вот где Бог дал свидеться... Что мне с ними делать?

— Что хотите! — отвечал Печорин. — Прощайте...

— Так вы в Персию?.. а когда вернетесь?.. — кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?..

Давно уже не слышно было ни звона колокольчиков, ни стука колес по кремнистой дороге, — а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости...

...Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею! Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним отдергивается розовый флер[1], сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие, хотя есть надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими... Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется...

Я уехал один.

ЖУРНАЛ[2] ПЕЧОРИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить

---

[1] *Флёр* — прозрачная ткань; в переносном смысле покров, скрывающий что-либо, покров таинственности.

[2] *Журнал* — старинное название дневника.

свое имя над чужим произведением. Дай Бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге; следовательно, не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною дружбы, ожидает только смерти или несчастия любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упреков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо[1] имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переменил все собственные имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно, себя узнают, и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем.

...Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» — скажут они. — Не знаю.

---

[1] «Исповедь» — автобиографическое произведение французского писателя и философа Жан-Жака Руссо (1712–1778).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Окончание журнала Печорина)

II

КНЯЖНА МЕРИ

11-го мая.

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синеет, как «последняя туча рессеянной бури»[1]; на север подымается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебристая цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом[2]. Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синё, — чего бы, кажется, больше? зачем тут страсти, желания, сожаления? Однако пора. Пойду к Елисаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается все водяное общество[3].

---

[1] Первая строка стихотворения А.С. Пушкина «Туча».

[2] Эльбрус.

[3] Общество съехавшихся для лечения на водах.

...Я остановился, запыхавшись, на краю горы и, прислонясь к углу домика, стал рассматривать живописную окрестность, как вдруг слышу за собой знакомый голос:

— Печорин! давно ли здесь?

Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обнялись. Я познакомился с ним в действующем отряде. Он был ранен пулей в ногу и поехал на воды с неделю прежде меня.

Грушницкий — юнкер. Он только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгиевский солдатский крестик. Он хорошо сложен, смугл и черноволос; ему на вид можно дать двадцать пять лет, хотя ему едва ли двадцать один год. Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говорит он скоро и вычурно; он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение; они нравятся романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами, — иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по-видимому, имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи.

Он довольно остер: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он никого не убьет одним словом; он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель. Я его понял, и он за это меня

не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях. Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать.

Приезд его на Кавказ — также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что... тут он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: «Нет, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да и к чему? Что я для вас? Поймете ли вы меня?..» и так далее.

...В эту минуту прошли к колодцу мимо нас две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего. На второй было закрытое платье *gris de perles*[1], легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи. Ботинки *couleur puce*[2] стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления. Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины.

— Вот княгина Лиговская, — сказал Грушницкий, — и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

— Однако ты уже знаешь ее имя?

— Да, я случайно слышал, — отвечал он, покраснев, — признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая

---

[1] Серо-жемчужного цвета *(фр.)*.

[2] Красновато-бурого цвета *(фр.)*.

знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?

— Бедная шинель! — сказал я, усмехаясь, — а кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подает им стакан?

— О! это московский франт Раевич! Он игрок: это видно тотчас по золотой огромной цепи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ! Да и борода кстати, и прическа *à la moujik*[1].

— Ты озлоблен против всего рода человеческого.

— И есть за что...

13-го мая.

Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и матерьялист, как все почти медики, а вместе с этим поэт, и не на шутку, — поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием; так иногда отличный анатомик[2] не умеет вылечить от лихорадки! Обыкновенно Вернер исподтишка насмехался над своими больными, но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом... Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шага: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника. У него

---

[1] по-мужицки *(фр.)*.

[2] Ана́том, специалист по анатомии, науке о строении человеческого тела.

был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком; его соперники, завистливые водяные медики распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных, — больные взбеленились, почти все ему отказали. Его приятели, то есть все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались восстановить его упадший кредит.

<...> Я лежал на диване, устремив глаза в потолок и заложив руки под затылок, когда Вернер взошел в мою комнату. Он сел в кресла, поставил трость в угол, зевнул и объявил, что на дворе становится жарко. Я отвечал, что меня беспокоят мухи, — и мы оба замолчали. <...>

16-го мая.

В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит; мне уже пересказывали две-три эпиграммы на мой счет, довольно колкие, но вместе очень лестные. Ей ужасно странно, что я, который привык к хорошему обществу, который так короток с ее петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться с нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульваре; я употребляю все свои силы на то, чтоб отвлекать ее обожателей, блестящих адъютантов, бледных москвичей и других, — и мне почти всегда удается. Я всегда ненавидел гостей у себя: теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют — и, увы, мое шампанское торжествует над силою магнетических ее глазок!

Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее кабинет!.. Я дал сорок рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер

был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический. Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мной очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают.

Грушницкий принял таинственный вид: ходит, закинув руки за спину, и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромает. Он нашел случай вступить в разговор с княгиней и сказать какой-то комплимент княжне; она, видно, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою.

— Ты решительно не хочешь познакомиться с Лиговскими? — сказал он мне вчера.

— Решительно.

— Помилуй! самый приятный дом на водах! Все здешнее лучшее общество...

— Мой друг, мне и не здешнее ужасно надоело. А ты у них бываешь?

— Нет еще; я говорил раза два с княжной, и более, но знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится... Другое дело, если бы я носил эполеты...

— Помилуй! да эдак ты гораздо интереснее! Ты просто не умеешь пользоваться своим выгодным положением... Да солдатская шинель в глазах всякой чувствительной барышни тебя делает героем и страдальцем.

Грушницкий самодовольно улыбнулся.

— Какой вздор! — сказал он.

— Я уверен, — продолжал я, — что княжна в тебя уж влюблена.

Он покраснел до ушей и надулся.

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!..

— У тебя все шутки! — сказал он, показывая, будто сердится, — во-первых, она меня еще так мало знает...

— Женщины любят только тех, которых не знают.

— Да я вовсе не имею претензий ей нравиться: я просто хочу познакомиться с приятным домом, и было бы очень смешно, если б я имел какие-нибудь надежды... Вот вы, например, другое дело! — вы, победители петербургские: только посмо́трите, так женщины тают... А знаешь ли, Печорин, что́ княжна о тебе говорила?

— Как? она тебе уже говорила обо мне?..

— Не радуйся, однако. Я как-то вступил с нею в разговор у колодца, случайно; третье слово ее было: «Кто этот господин, у которого такой неприятный, тяжелый взгляд? он был с вами, тогда...» Она покраснела и не хотела назвать дня, вспомнив свою милую выходку. «Вам не нужно сказывать дня, — отвечал я ей, — он вечно будет мне памятен...» Мой друг, Печорин! я тебя не поздравляю; ты у нее на дурном замечании... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..

Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря о женщине, с которой они едва знакомы, называют ее моя Мери, моя *Sophie*[1], если она имела счастие им понравиться.

Я принял серьезный вид и отвечал ему:

— Да, она недурна... только берегись, Грушницкий! Русские барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая беспокойная. Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно: твое молчание должно возбуждать ее любопытство, твой разговор — никогда не удовлетворять его вполне; ты должен ее тревожить ежеминутно; она десять раз публично для тебя пренебрежет мнением и назовет это жертвой, и чтоб вознаградить себя за это, станет тебя мучить, а потом просто скажет, что она тебя терпеть не может. Если ты над нею не приобретешь власти, то даже ее первый поцелуй не даст тебе права на второй; она с

[1] Софи́ (*франц.*).

тобой накокетничается вдоволь, а года через два выйдет замуж за урода, из покорности к маменьке, и станет себя уверять, что она несчастна, что она одного только человека и любила, то есть тебя, но что небо не хотело соединить ее с ним, потому что на нем была солдатская шинель, хотя под этой толстой, серой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате.

Я внутренно хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, к счастию, этого не заметил. Явно, что он влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего; у него даже появилось серебряное колечко с чернью, здешней работы: оно мне показалось подозрительным... Я стал его рассматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырезано на внутренней стороне, и рядом — число того дня, когда она подняла знаменитый стакан.

Я утаил свое открытие; я не хочу вынуждать у него признаний; я хочу, чтобы он сам выбрал меня в свои поверенные, — и тут-то я буду наслаждаться...

Сегодня я встал поздно; прихожу к колодцу — никого уже нет. Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загашенный факел; кругом его вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своем стремлении и будто зацепившиеся за колючий его кустарник. Воздух был напоен электричеством. Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно. Я думал о той молодой женщине с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор... Зачем она здесь? И она ли? И почему я думаю, что это она? и почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках? Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина в соломенной шляпке, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь; шляпка закрывала ее лицо. Я хотел уже вернуться, чтоб не нарушать ее мечтаний, когда она на меня взглянула.

— Вера! — вскрикнул я невольно.

Она вздрогнула и побледнела.

— Я знала, что вы здесь, — сказала она.

Я сел возле нее и взял её за руку. Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса; она посмотрела мне в глаза своими глубокими и спокойными глазами: в них выражалась недоверчивость и что-то похожее на упрек.

— Мы давно не видались, — сказал я.

— Давно, и переменились оба во многом!

— Стало быть, уж ты меня не любишь?..

— Я замужем!.. — сказала она.

— Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем...

Она выдернула свою руку из моей, и щеки ее запылали.

— Может быть, ты любишь своего второго мужа?..

Она не отвечала и отвернулась.

— Или он очень ревнив?

Молчание.

— Что ж? Он молод, хорош, особенно, верно, богат, и ты боишься... — Я взглянул на нее и испугался; ее лицо выражало глубокое отчаяние, на глазах сверкали слезы.

— Скажи мне, — наконец прошептала она, — тебе очень весело меня мучить?.. Я бы тебя должна ненавидеть. С тех пор как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий... Ее голос задрожал, она склонилась ко мне и опустила голову на грудь мою.

«Может быть, — подумал я, — ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...» <...>

22-го мая.

Зала ресторации превратилась в залу Благородного собрания. В девять часов все съехались. Княгиня с дочерью явились

из последних; многие дамы посмотрели на нее с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом. Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней. Как быть? Где есть общество женщин, там сейчас явится высший и низший круг. Под окном, в толпе народа, стоял Грушницкий, прижав лицо к стеклу и не спускал глаз с своей богини; она, проходя мимо, едва приметно кивнула ему головой. Он просиял, как солнце... Танцы начались польским; потом заиграли вальс. Шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились.

Я стоял сзади одной толстой дамы, осененной розовыми перьями; пышность ее платья напоминала времена фижм[1], а пестрота ее негладкой кожи — счастливую эпоху мушек[2] из черной тафты. Самая большая бородавка на ее шее прикрыта была фермуаром[3]. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская пренесносная девчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрела на меня в лорнет... *C'est impayable!..*[4] И чем она гордится? Уж ее надо бы проучить...

— За этим дело не станет! — отвечал услужливый капитан и отправился в другую комнату.

Я тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здешних обычаев, позволяющих танцевать с незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять

---

[1] *Фи́жма* — юбка для придания пышности фигуре, надетая на широкий проволочный обруч у бедер (женская мода XVIII — и начала XIX века).

[2] В XVIII веке в дворянском обществе были в моде «мушки» — маленькие кружева из шелковой ткани (тафты), которые приклеивались на лицо в виде родинок.

[3] Ожерелье из драгоценных камней с застежкой.

[4] Это забавно!.. *(франц.)*.

совершенно равнодушный и даже строгий вид. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку набок, и мы пустились... Я не знаю талии более сладострастной и гибкой! Ее свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горящей щеке моей... Я сделал три тура. (Она вальсирует удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ее помутились, полураскрытые губки едва могли прошептать необходимое: *«Merci, monsieur»*[1].

После нескольких минут молчания я сказал ей, приняв самый покорный вид:

— Я слышал, княжна, что, будучи вам вовсе не знаком, я имел уже несчастье заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзким... неужели это правда?

— И вам бы хотелось теперь меня утвердить в этом мнении? — отвечала она с иронической гримаской, которая, впрочем, очень идет к ее подвижной физиономии.

— Если я имел дерзость вас чем-нибудь оскорбить, то позвольте мне иметь еще бо́льшую дерзость просить у вас прощения... И, право, я бы очень желал доказать вам, что вы насчет меня ошибались...

— Вам это будет довольно трудно...

— Отчего же?..

— Оттого, что вы у нас не бываете, а эти балы, вероятно, не часто будут повторяться.

«Это значит, — подумал я, — что их двери для меня навеки закрыты».

— Знаете, княжна, — сказал я с некоторой досадой, — никогда не должно отвергать кающегося преступника: с отчаяния он может сделаться еще вдвое преступнее... и тогда...

Хохот и шушуканье окружающих заставили меня обернуться и прервать мою фразу. В нескольких шагах от меня стояла группа мужчин, в их числе драгунский капитан, изъявивший враждебные намерения против милой княжны; он особенно был чем-то очень

---

[1] Благодарю, сударь *(франц.)*.

доволен, потирал руки, хохотал и перемигивался с товарищами. Вдруг из среды их отделился господин во фраке, с длинными усами и красной рожей и направил неверные шаги свои прямо к княжне: он был пьян. Остановясь против смутившейся княжны и заложив руки за спину, он уставил на нее мутно-серые глаза и произнес хриплым дишкантом[1]:

— ...Пермете...[2] ну, да что тут!.. просто ангажирую[3] вас на мазурку...

— Что вам угодно? — произнесла она дрожащим голосом, бросая кругом умоляющий взгляд. Увы! ее мать была далеко, и возле никого из знакомых ей кавалеров не было; один адъютант, кажется, все это видел, да спрятался за толпой, чтоб не быть замешану в историю.

— Что же? — сказал пьяный господин, мигнув драгунскому капитану, который ободрял его знаками, — разве вам не угодно?.. Я таки опять имею честь вас ангажировать *pour mazure*...[4] Вы, может, думаете, что я пьян? Это ничего!.. Гораздо свободнее, могу вас уверить...

Я видел, что она готова упасть в обморок от страха и негодования.

Я подошел к пьяному господину, взял его довольно крепко за руку и, посмотрев ему пристально в глаза, попросил удалиться, — потому, прибавил я, что княжна давно уже обещала танцевать мазурку со мной.

— Ну, нечего делать!.. в другой раз! — сказал он, засмеявшись, и удалился к своим пристыженным товарищам, которые тотчас увели его в другую комнату.

Я был вознагражден глубоким, чудесным взглядом. <...>

---

[1] *Ди́шкант (устар.)*; дискант — тонкий голос.

[2] Позвольте... (*от франц.* permettez.).

[3] Приглашаю (*устар.*).

[4] На мазурку... (*франц.*).

6-го июня.

Нынче поутру Вера уехала с мужем в Кисловодск. Я встретил их карету, когда шел к княгине Лиговской. Она мне кивнула головой; во взгляде ее был упрек.

Кто ж виноват? зачем она не хочет дать мне случай видеться с нею наедине? Любовь, как огонь, — без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы.

Я сидел у княгини битый час. Мери не вышла, — больна. Вечером на бульваре ее не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла в самом деле грозный вид. Я рад, что княжна больна: они сделали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкого растрепанная прическа и отчаянный вид; он, кажется, в самом деле огорчен, особенно самолюбие его оскорблено; но ведь есть же люди, в которых даже отчаяние забавно!..

Возвратясь домой, я заметил, что мне чего-то недостает. *Я не видал ее! Она больна!* Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор! <...>

12-го июня.

Сегодняшний вечер был обилен происшествиями. Верстах в трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая *Кольцом*; это — ворота, образованные природой; они подымаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Никто из нас, по правде сказать, не думал о солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок вброд. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свел ее в воду, которая

не была выше колен; мы тихонько стали подвигаться наискось против течения. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предварить княжну Мери.

Мы были уже на средине, в самой быстрине, когда она вдруг на седле покачнулась. «Мне дурно!» — проговорила она слабым голосом... Я быстро наклонился к ней, обвил рукою ее гибкую талию. «Смотрите наверх! — шепнул я ей, — это ничего, только не бойтесь; я с вами».

Ей стало лучше; она хотела освободиться от моей руки, но я еще крепче обвил ее нежный, мягкий стан; моя щека почти касалась ее щеки; от нее веяло пламенем.

— Что вы со мною делаете?.. Боже мой!..

Я не обращал внимания на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади: никто не видал. Когда мы выбрались на берег, то все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле нее; видно было, что ее беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни слова — из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.

— Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она наконец голосом, в котором были слезы. — Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить... Это было бы так подло, так низко, что одно предположение... О нет! не правда ли, — прибавила она голосом нежной доверенности, — не правда ли, во мне нет ничего такого, что бы исключало уважение? Ваш дерзкий поступок... я должна, я должна вам его простить, потому что позволила... Отвечайте, говорите же, я хочу слышать ваш голос!.. — В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастию, начинало смеркаться... Я ничего не отвечал.

— Вы молчите? — продолжала она, — вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?..

Я молчал...

— Хотите ли этого? — продолжала она, быстро обратясь ко мне... В решительности ее взора и голоса было что-то страшное...

— Зачем? — отвечал я, пожав плечами.

Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге; это произошло так скоро, что я едва мог ее догнать, и то, когда уж она присоединилась к остальному обществу. До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное: на меня не взглянула ни разу. Все заметили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренне радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервический припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение: есть минуты, когда я понимаю Вампира[1]... А еще слыву добрым малым и добиваюсь этого названия! <...>

В одном из домов слободки, построенном на краю оврага, заметил я чрезвычайное освещение; по временам раздавался нестройный говор и крики, изобличашие военную пирушку. Я слез и подкрался к окну; неплотно притворенный ставень позволил мне видеть пирующих и расслушать их слова. Говорили обо мне.

Драгунский капитан, разгоряченный вином, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

— Господа! — сказал он, — это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургские слётки[2] всегда зазнаются, пока их не ударишь по носу! Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я уверен между тем, что он трус, — да, трус.

---

[1] *Вампи́р* — мрачный герой одноименной английской повести, полной описания ужасов и таинственных приключений, вышедший в 1819 году и переведенный на русский язык.

[2] *Слёток* — птенец, вылетающий из гнезда; здесь в переносном смысле: *слёток* — выскочка.

— Я думаю то же, — сказал Грушницкий. — Он любит отшучиваться. Я раз ему таких вещей наговорил, что другой бы меня изрубил на месте, а Печорин все обратил в смешную историю. Я, разумеется, его не вызвал, потому что это было его дело; да не хотел и связываться...

— Грушницкий на него зол за то, что он отбил у него княжну, — сказал кто-то.

— Вот еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчас отстал, потому что не хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах.

— Да я вас уверяю, что он первейший трус, то есть Печорин, а не Грушницкий, — о, Грушницкий молодец, и притом он мой истинный друг! — сказал опять драгунский капитан. — Господа! никто здесь его не защищает? Никто? тем лучше! Хотите испытать его храбрость? Это нас позабавит...

— Хотим: только как?

— А вот слушайте: Грушницкий на него особенно сердит — ему первая роль! Он придерется к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль... Погодите; вот в этом-то и штука... Вызовет на дуэль: хорошо! Все это — вызов, приготовления, условия — будет как можно торжественнее и ужаснее, — я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит, — на шести шагах их поставлю, черт возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано! согласны! почему же нет? — раздалось со всех сторон.

— А ты, Грушницкий?

Я с трепетом ждал ответа Грушницкого; холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посмешищем этих дураков. Если б Грушницкий не согласился, я бросился бы ему на шею. Но после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: «Хорошо, я согласен».

Трудно описать восторг всей честной компании.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. «За что они все меня ненавидят? — думал я. — За что? Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегитесь, господин Грушницкий! — говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате. — Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!..»

Я не спал всю ночь. К утру я был желт, как померанец[1].

Поутру я встретил княжну у колодца.

— Вы больны? — сказала она, пристально посмотрев на меня.

— Я не спал всю ночь.

— И я также... я вас обвиняла... Может быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вам простить всё...

— Всё ли?..

— Всё... только говорите правду... только скорее... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю. О, отвечайте скорее, сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала; но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатия.

— Я вам скажу всю истину, — отвечал я княжне, — не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю.

---

[1] *Помера́нец* — род горького апельсина.

Ее губы слегка побледнели...
— Оставьте меня, — сказала она едва внятно.
Я пожал плечами, повернулся и ушел.

14-го июня.

Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе. Другой бы на моем месте предложил княжне son coeur et sa fortune[1]; но надо мною слово *жениться* имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, — прости любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею?.. что мне в ней?.. куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли?.. Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне *смерть от злой жены*; это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе... Между тем что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется; по крайней мере, буду стараться, чтоб оно сбылось как можно позже. <...>

16-го июня.

<...> Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация[2] вам не

---

[1] Свою руку и сердце *(франц.)*.
[2] *Мистифика́ция* — обман.

удастся... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов? Вы думаете, что я вам без спора подставлю свой лоб... но мы бросим жребий!.. и тогда... тогда... что, если его счастье перетянет? если моя звезда, наконец, мне изменит?.. И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.

Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я — как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!..

<...> Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему: но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать... Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключал таких условий с своею совестью?

— Бросьте жеребий, доктор! — сказал капитан.

Доктор вынул из кармана серебряную монету и поднял ее кверху.

— Решетка! — закричал Грушницкий поспешно, как человек, которого вдруг разбудил дружеский толчок.

— Орел! — сказал я.

Монета взвилась и упала звеня; все бросились к ней.

— Вы счастливы, — сказал я Грушницкому, — вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь — даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство — выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка.

— Пора! — шепнул мне доктор, дергая за рукав, — если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерение, то все пропало... Посмотрите, он уже заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...

— Ни за что на свете, доктор!— отвечал я, удерживая его за руку, — вы все испортите; вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...

Он посмотрел на меня с удивлением.

— О! это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь...

Капитан между тем зарядил свои пистолеты, подал один Грушницкому, с улыбкою шепнув ему что-то; другой мне.

Я стал на углу площадки, крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперед, чтобы в случае легкой раны не опрокинуться назад.

Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колена его дрожали. Он целил мне прямо в лоб...

Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

— Не могу,— сказал он глухим голосом.

— Трус! — отвечал капитан.

Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено. Я невольно сделал несколько шагов вперед, чтоб поскорей удалиться от края.

— Ну, брат Грушницкий, жаль, что промахнулся! — сказал капитан, — теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы уже не увидимся! — Они обнялись; капитан едва мог удержаться от смеха. — Не бойся, — прибавил он, хитро взглянув на Грушницкого, — все вздор на свете!.. Натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка!

После этой трагической фразы, сказанной с приличной важностью, он отошел на свое место; Иван Игнатьич со слезами обнял также Грушницкого, и вот он остался один

против меня. Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого рода чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить, как собаку, ибо, раненый в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса.

Я несколько минут смотрел ему пристально в лицо, стараясь заметить хоть легкий след раскаяния. Но мне показалось, что он удерживал улыбку.

— Я вам советую перед смертью помолиться Богу, — сказал я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душе больше, чем о своей собственной. Об одном вас прошу: стреляйте скорее.

— И вы не отказываетесь от своей клеветы? не просите у меня прощения?.. Подумайте хорошенько: не говорит ли вам чего-нибудь совесть?

— Господин Печорин! — закричал драгунский капитан, — вы здесь не для того, чтоб исповедовать, позвольте вам заметить... Кончимте скорее; неравно кто-нибудь проедет по ущелью — и нас увидят.

— Хорошо. Доктор, подойдите ко мне.

Доктор подошел. Бедный доктор! он был бледнее, чем Грушницкий десять минут тому назад.

Следующие слова я произнес нарочно с расстановкой, громко и внятно, как произносят смертный приговор:

— Доктор, эти господа, вероятно, второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядите его снова, — и хорошенько!

— Не может быть! — кричал капитан, — не может быть! я зарядил оба пистолета; разве что из вашего пуля выкатилась... Это не моя вина! А вы не имеете права переряжать... никакого права... это совершенно против правил; я не позволю...

— Хорошо! — сказал я капитану, — если так, то мы будем с вами стреляться на тех же условиях...

Он замялся.

Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь их! — сказал он наконец капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора... — Ведь ты сам знаешь, что они правы.

Напрасно капитан делал ему разные знаки, — Грушницкий не хотел и смотреть.

Между тем доктор зарядил пистолет и подал мне.

Увидав это, капитан плюнул и топнул ногой:

— Дурак же ты, братец, — сказал он, — пошлый дурак!.. Уж положился на меня, так слушайся во всем... Поделом же тебе! околевай себе как муха... — Он отвернулся и, отходя, пробормотал: — А все-таки это совершенно противу правил.

— Грушницкий! — сказал я, — еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурачить, и мое самолюбие удовлетворено; вспомни — мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

— Стреляйте! — отвечал он, — я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места!..

Я выстрелил... Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбцом еще вился на краю обрыва.

Все в один голос вскрикнули.

— Finita la comedia![1] — сказал я доктору.

Он не отвечал и с ужасом отвернулся.

Я пожал плечами и раскланялся с секундантами Грушницкого.

---

[1] Комедия окончена! *(итал.)*.

Спускаясь по тропинке вниз, я заметил между расселинами скал окровавленный труп Грушницкого. Я невольно закрыл глаза... <...>

Солнце уже спряталось в черной туче, отдыхавшей на хребте западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпения. Мысль не застать уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце. Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку... Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете — дороже жизни, чести, счастья! Бог знает какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... И между тем я все скакал, погоняя беспощадно. И вот, я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж споткнулся на ровном месте... Оставалось пять верст до Ессентуков, казачьей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на десять минут. Но вдруг, поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергаю за повод — напрасно; едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал.

И долго я лежал неподвижно, и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие — исчезли как дым; душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горящую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит

моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться.

Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок.

Все к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию[1]. Плакать здорово; и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих.

Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворе уж было темно. Я сел у отворенного окна, расстегнул архалук[2], — и горный ветер освежил грудь мою, еще не успокоенную тяжелым сном усталости. Вдали за рекою, сквозь верхи густых лип, ее осеняющих, мелькали огни в строеньях крепости и слободки. На дворе у нас все было тихо, в доме княгини было темно.

Взошел доктор: лоб у него был нахмурен; он против обыкновения не протянул мне руки.

— Откуда вы, доктор?

— От княгини Лиговской; дочь ее больна — расслабление нервов... Да не в этом дело, а вот что: начальство догадывается, и хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вам советую быть осторожнее. Княгиня мне говорила нынче, что она знает, что вы стрелялись за ее дочь. Ей все этот старичок рассказал... как бишь его? Он был еще свидетелем вашей стычки с Грушницким в ресторации. Я пришел вас предупредить. Прощайте. Может быть, мы больше не увидимся, вас ушлют куда-нибудь.

Он на пороге остановился: ему хотелось пожать мне руку... и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился

---

[1] То есть отвлекло внимание.

[2] *Архалук* — мужская и женская одежда у некоторых народов Кавказа.

бы мне на шею; но я остался холоден, как камень, — и он вышел.

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, — а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!..

На другой день утром, получив приказание от высшего начальства отправиться в крепость N., я зашел к княгине проститься.

Она была удивлена, когда на вопрос ее: имею ли я ей сказать что-нибудь особенно важное? — я отвечал, что желаю ей быть счастливой и прочее.

— А мне нужно с вами поговорить очень серьезно.

Я сел молча.

Явно было, что она не знала, с чего начать; лицо ее побагровело, пухлые ее пальцы стучали по столу; наконец она начала так, прерывистым голосом:

— Послушайте, мсье Печорин! я думаю, что вы благородный человек.

Я поклонился.

— Я даже в этом уверена, — продолжала она, — хотя ваше поведение несколько сомнительно; но у вас могут быть причины, которых я не знаю, и их-то вы должны теперь мне поверить. Вы защитили дочь мою от клеветы, стрелялись за нее, — следственно, рисковали жизнью... Не отвечайте, я знаю, что вы в этом не признáетесь, потому что Грушницкий убит (она перекрестилась). Бог ему простит — и, надеюсь, вам также!.. Это до меня не касается, я не смею осуждать вас, потому что дочь моя хотя невинно, но была этому причиной. Она мне все сказала... я думаю, все: вы изъяснялись ей в любви... она вам призналась в своей (тут княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я уверена, что это не простая болезнь! Печаль

тайная ее убивает; она не признается, но я уверена, что вы этому причиной... Послушайте, вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, — разуверьтесь! я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться: вы имеете состояние; вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастие мужа, — я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?.. Видите, я не должна бы была вам всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня, — сказал я, — мне невозможно отвечать вам; позвольте мне поговорить с вашей дочерью наедине...

— Никогда! — воскликнула она, встав со стула в сильном волнении.

— Как хотите, — отвечал я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сделала мне знак рукою, чтоб я подождал, и вышла.

Прошло минут пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; как я ни искал в груди моей хоть искры любви к милой Мери, но старания мои были напрасны.

Вот дверь отворилась, и взошла она. Боже! как переменилась с тех пор, как я не видал ее, — а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочил, подал ей руку и довел ее до кресел.

Я стоял против нее. Мы долго молчали; ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду; ее бледные губы напрасно старались улыбнуться; ее нежные руки, сложенные на коленях, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль ее.

— Княжна, — сказал я, — вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня.

На ее щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал:

— Следственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

— Боже мой, — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, и я бы упал к ногам ее.

— Итак, вы сами видите, — сказал я сколько мог твердым голосом и с принужденной усмешкою, — вы сами видите, что я не могу на вас жениться; если б вы даже этого теперь хотели, то скоро бы раскаялись. Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко ее разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот все, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покоряюсь... Видите ли, я перед вами низок. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

— Я вас ненавижу... — сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел.

Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска. За несколько верст от Ессентуков я узнал близ дороги труп моего лихого коня; седло было снято — вероятно, проезжим казаком, — и вместо седла на спине его сидели два ворона. Я вздохнул и отвернулся...

И теперь здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига[1]: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по

---

[1] *Бриг* — двухмачтовое парусное судно.

прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...

III

ФАТАЛИСТ[1]

Мне раз как-то случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты.

Однажды, наскучив бостоном[2] и бросив карты под стол, мы засиделись у майора С*** очень долго; разговор, против обыкновения, был занимателен. Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи *pro* или *contra*[3].

— Все это, господа, ничего не доказывает, — сказал старый майор, — ведь никто из вас не был свидетелем тех странных случаев, которыми вы подтверждаете свои мнения?

— Конечно, никто, — сказали многие, — но мы слышали от верных людей...

— Все это вздор! — сказал кто-то, — где эти верные люди, видевшие список, на котором означен час нашей смерти?.. И если точно есть предопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших поступках?

---

[1] Человек, верящий в фатум — судьбу.

[2] *Бостóн* — карточная игра, широко распространенная в первой половине XIX века.

[3] «За» или «против» *(лат.)*.

В это время один офицер, сидевший в углу комнаты, встал и, медленно подойдя к столу, окинул всех спокойным и торжественным взглядом. Он был родом серб, как видно было из его имени.

Наружность поручика Вулича отвечала вполне его характеру. Высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные проницательные глаза, большой, но правильный нос, принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его, — все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему вид существа особенного, не способного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи.

Он был храбр, говорил мало, но резко; никому не поверял своих душевных и семейных тайн; вина почти вовсе не пил, за молодыми казачками, — которых прелесть трудно постигнуть, не видав их, — он никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была неравнодушна к его выразительным глазам; но он не шутя сердился, когда об этом намекали.

Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре. За зеленым столом он забывал все и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство. Рассказывали, что раз, во время экспедиции, ночью, он на подушке метал банк, ему ужасно везло. Вдруг раздались выстрелы, ударили тревогу, все вскочили и бросились к оружию. «Поставь ва-банк!»[1] — кричал Вулич, не подымаясь, одному из самых горячих понтеров[2]. «Идет семерка», — отвечал тот, убегая. Несмотря на всеобщую суматоху, Вулич докинул талью[3]; карта была дана.

---

[1] Ва-банк *(франц.)* — восклицание, означающее: на всю сумму денег в банке.

[2] *Понтёр* — игрок в азартной карточной игре, играющий против банка.

[3] *Та́лья* — игра до окончания колоды карт у банкомета или до срыва банка.

Когда он явился в цепь[1], там была уже сильная перестрелка. Вулич не заботился ни о пулях, ни о шашках чеченских: он отыскивал своего счастливого понтера.

— Семерка дана! — закричал он, увидев его наконец в цепи застрельщиков, которые начинали вытеснять из лесу неприятеля, и, подойдя ближе, он вынул свой кошелек и бумажник и отдал их счастливцу, несмотря на возражения о неуместности платежа. Исполнив этот неприятный долг, он бросился вперед, увлек за собою солдат и до самого конца дела прехладнокровно перестреливался с чеченцами.

Когда поручик Вулич подошел к столу, то все замолчали, ожидая от него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа! — сказал он (голос его был спокоен, хотя тоном ниже обыкновенного), — господа! к чему пустые споры? Вы хотите доказательств: я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнию, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мне, не мне! — раздалось со всех сторон, — вот чудак! придет же в голову!..

— Предлагаю пари, — сказал я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нет предопределения, — сказал я, высыпая на стол десятка два червонцев, — все, что было у меня в кармане.

— Держу, — отвечал Вулич глухим голосом. — Майор, вы будете судьею; вот пятнадцать червонцев: остальные пять вы мне должны, и сделаете мне дружбу прибавить их к этим.

— Хорошо, — сказал майор, — только не понимаю, право, в чем дело, и как вы решите спор?..

Вулич молча вышел в спальню майора; мы за ним последовали. Он подошел к стене, на которой висело оружие, и наудачу снял с гвоздя один из разнокалиберных пистолетов; мы еще его не понимали; но когда он взвел курок и насыпал на полку пороху, то многие, невольно вскрикнув, схватили его за руки.

---

[1] *Цепь* — здесь: линия стрелков в сражении.

— Что ты хочешь делать? Послушай, это сумасшествие! — закричали ему.

— Господа! — сказал он медленно, освобождая свои руки, — кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?

Все замолчали и отошли.

Вулич вышел в другую комнату и сел у стола; все последовали за ним: он зна́ком пригласил нас сесть кругом. Молча повиновались ему: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись; но, несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его. Я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! — сказал я ему.

Он быстро ко мне обернулся, но отвечал медленно и спокойно:

— Может быть, да, может быть, нет...

Потом, обратясь к майору, спросил: заряжен ли пистолет? Майор в замешательстве не помнил хорошенько.

— Да полно, Вулич! — закричал кто-то, — уж, верно, заряжен, коли в головах висел; что за охота шутить!..

— Глупая шутка! — подхватил другой.

— Держу пятьдесят рублей против пяти, что пистолет не заряжен! — закричал третий.

Составились новые пари.

Мне надоела эта длинная церемония.

— Послушайте, — сказал я, — или застрелитесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдемте спать.

— Разумеется, — воскликнули многие, — пойдемте спать.

— Господа, я вас прошу не трогаться с места! — сказал Вулич, приставя дуло пистолета ко лбу. Все будто окаменели.

— Господин Печорин, — прибавил он, — возьмите карту и бросьте вверх.

Я взял со стола, как теперь помню, червонного туза и бросил кверху: дыхание у всех остановилось; все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно; в ту минуту, как он коснулся стола, Вулич спустил курок... осечка!

— Слава Богу! — вскрикнули многие, — не заряжен...

— Посмотрим, однако ж, — сказал Вулич. Он взвел опять курок, прицелился в фуражку, висевшую над окном; выстрел раздался — дым наполнил комнату! Когда он рассеялся, сняли фуражку; она была пробита в самой середине, и пуля глубоко засела в стене.

Минуты три никто не мог слова вымолвить; Вулич преспокойно пересыпал в свой кошелек мои червонцы.

Пошли толки о том, отчего пистолет в первый раз не выстрелил; иные утверждали, что, вероятно, полка была засорена, другие говорили шепотом, что прежде порох был сырой и что после Вулич присыпал свежего; но я утверждал, что последнее предположение несправедливо, потому что я во все время не спускал глаз с пистолета.

— Вы счастливы в игре! — сказал я Вуличу...

— В первый раз от роду, — отвечал он, самодовольно улыбаясь, — это лучше банка и штосса[1].

— Зато немножко опаснее.

— А что? вы начали верить предопределению?

— Верю; только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...

Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул и смутился.

— Однако ж довольно! — сказал он, вставая, — пари наше кончилось, и теперь ваши замечания, мне кажется, неумест-

---

[1] *Штосс* — азартная карточная игра.

ны... — Он взял шапку и ушел. Это мне показалось странным — и недаром!..

Скоро все разошлись по домам, различно толкуя о причудах Вулича и, вероятно, в один голос называя меня эгоистом, потому что я держал пари против человека, который хотел застрелиться; как будто он без меня не мог найти удобного случая!..

Я возвращался домой пустыми переулками станицы: месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!.. И что ж? эти лампады, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником! Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо, с своими бесчисленными жителями, на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастия, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и сильного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою...

И много других подобных дум приходило в уме моем; я их не удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли. И к чему это ведет?.. В первой молодости моей

я был мечтателем; я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мое беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге.

Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал невольно в их колею; но я остановил себя вовремя на этом опасном пути и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не вверяться слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упал, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но, по-видимому, неживое. Наклоняюсь — месяц уж светил прямо на дорогу — и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополам шашкой... Едва я успел ее рассмотреть, как услыхал шум шагов: два казака бежали из переулка; один подошел ко мне и спросил: не видал ли я пьяного казака, который гнался за свиньей. Я объявил им, что не встречал казака, и указал на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойник! — сказал второй казак, — как напьется чихиря[1], так и пошел крошить все, что ни попало. Пойдем за ним, Еремеич, надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжал свой путь с большей осторожностью и наконец счастливо добрался до своей квартиры.

---

[1] *Чихи́рь* — молодое виноградное вино.

Я жил у одного старого урядника, которого любил за добрый его нрав, а особенно за хорошенькую дочку Настю.

Она, по обыкновению, дожидалась меня у калитки, завернувшись в шубку; луна освещала ее милые губки, посиневшие от ночного холода. Узнав меня, она улыбнулась, но мне было не до нее. «Прощай, Настя», — сказал я, проходя мимо. Она хотела что-то отвечать, но только вздохнула.

Я затворил за собою дверь моей комнаты, засветил свечу и бросился на постель; только сон на этот раз заставил себя ждать более обыкновенного. Уж восток начинал бледнеть, когда я заснул, но — видно, было написано на небесах, что в эту ночь я не высплюсь. В четыре часа утра два кулака застучали ко мне в окно. Я вскочил: что такое?.. «Вставай, одевайся!» — кричало мне несколько голосов. Я наскоро оделся и вышел. «Знаешь, что случилось?» — сказали мне в один голос три офицера, пришедшие за мною; они были бледны как смерть.

— Что?

— Вулич убит.

Я остолбенел.

— Да, убит, — продолжали они, — пойдем скорее.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Мы пошли. Они рассказали мне все, что случилось, с примесью разных замечаний насчет странного предопределения, которое спасло его от неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вулич шел один по темной улице; на него наскочил пьяный казак, изрубивший свинью, и, может быть, прошел бы мимо, не заметив его, если б Вулич, вдруг остановясь, не сказал: «Кого ты, братец, ищешь?» — «Тебя!» — отвечал казак, ударив его шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца... Два казака, встретившие меня и следившие за убийцей, подоспели, подняли раненого, но он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «Он прав!» Я один понимал темное значение этих слов: они относились ко мне; я предсказал

невольно бедному его судьбу; мой инстинкт не обманул меня: я точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины.

Убийца заперся в пустой хате, на конце станицы. Мы шли туда. Множество женщин бежало с плачем в ту же сторону. По временам опоздавший казак выскакивал на улицу, второпях пристегивая кинжал, и бегом опережал нас. Суматоха была страшная.

Вот наконец мы пришли; смотрим: вокруг хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоит толпа. Офицеры и казаки толкуют горячо между собою; женщины воют, приговаривая и причитывая. Среди них бросилось мне в глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяние. Она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками: то была мать убийцы. Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?

Между тем надо было на что-нибудь решиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошел к окну и посмотрел в щель ставня: бледный, он лежал на полу, держа в правой руке пистолет; окровавленная шашка лежала возле него. Выразительные глаза его страшно вращались кругом; порою он вздрагивал и хватал себя за голову, как будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочел большой решимости в этом беспокойном взгляде и сказал майору, что напрасно он не велит выломать дверь и броситься туда казакам, потому что лучше это сделать теперь, нежели после, когда он совсем опомнится.

В это время старый есаул[1] подошел к двери и назвал его по имени; тот откликнулся.

— Согрешил, брат Ефимыч, — сказал есаул, — так уж нечего делать, покорись!

---

[1] *Есаýл* — офицер в казачьих войсках.

— Не покорюсь, — отвечал казак.

— Побойся Бога. Ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин; ну, уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь! — закричал казак грозно, и слышно было, как щелкнул взведенный курок.

— Эй, тетка! — сказал есаул старухе, — поговори сыну, авось тебя послушает... Ведь это только Бога гневить. Да посмотри, вот и господа уж два часа дожидаются.

Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой.

— Василий Петрович, — сказал есаул, подойдя к майору, — он не сдастся: я его знаю. А если дверь разломать, то много наших перебьет. Не прикажете ли лучше его пристрелить? в ставне щель широкая.

В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу.

— Погодите, — сказал я майору, — я его возьму живого.

Велев есаулу завести с ним разговор и поставив у дверей трех казаков, готовых ее выбить и броситься мне на помощь при данном знаке, я обошел хату и приблизился к роковому окну. Сердце мое сильно билось.

— Ах ты окаянный! — кричал есаул, — что ты, над нами смеешься, что ли? али думаешь, что мы с тобой не совладаем? — Он стал стучать в дверь изо всей силы; я, приложив глаз к щели, следил за движением казака, не ожидавшего с этой стороны нападения, — и вдруг оторвал ставень и бросился в окно головой вниз. Выстрел раздался у меня над самым ухом, пуля сорвала эполет. Но дым, наполнивший комнату, помешал моему противнику найти шашку, лежавшую возле него. Я схватил его за руки, казаки ворвались, и не прошло трех минут, как преступник был уже связан и отведен под конвоем. Народ разошелся, офицеры меня поздравляли — и точно, было с чем!

После всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом? Но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет?.. И как

часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!.. Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!

Возвратясь в крепость, я рассказал Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему был я свидетель, и пожелал узнать его мнение насчет предопределения; он сначала не понимал этого слова, но я объяснил его как мог, и тогда он сказал, значительно покачав головою:

— Да-с! конечно-с! Это штука довольно мудреная!.. Впрочем, эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских; они как-то нашему брату неприличны; приклад маленький — того и гляди, нос обожжет... Зато уж шашки у них — просто мое почтение!

Потом он промолвил, несколько подумав:

— Да, жаль беднягу... Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано!..

Больше я от него ничего не мог добиться: он вообще не любит метафизических прений.

Вопросы и задания

1. Какова проблематика романа «Герой нашего времени»?
2. Каковы основные особенности композиции и сюжета романа? Почему роман Лермонтова определяется как «социально-психологический»?
3. Какова роль персонажей романа в раскрытии характера Печорина?
4. Какой смысл вкладывает Лермонтов в название своего произведения?
5. В чем трагедия Печорина?
6. Как раскрывается образ горянки Бэлы в романе?
7. В чем сходство и различие образов Печорина и Казбича?

8. Какими показывает Лермонтов горцев в романе?

9. Какими показаны женские образы в романе (Бэла, Вера, Мери)?

10. Каким показан Печорин в истории с Мери?

11. Почему о Грушницком можно сказать, что он — прямой антипод Печорина?

12. Что сближает Вернера и Печорина?

13. Что противопоставляет их «водяному обществу»?

14. Дайте характеристику «водяного общества».

15. Что позволяет говорить о том, что Печорин — «лишний человек»?

16. Какова психологическая функция природы в романе и как она влияет на характер героев?

17. Какое место занимает Печорин в ряду «лишних людей» в литературе первой половины XIX века?

* 18. В чем сходство и различие «лишних людей» — Онегина и Печорина?

Советуем прочитать

Белинский В.Г. «Герой нашего времени».

Ломунов К. О жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллегория — иносказание, изображение отвлеченной идеи (понятия) посредством образа.

Аллитерация — повторение однородных согласных, придающее стиху особую выразительность.

Амфибрахий — трехсложный размер, в котором ударный слог находится между двумя безударными: («О ми́лые плу́ты! Кто ча́сто их ви́дел, тот, ве́рю я, лю́бит крестья́нских дете́й!» Н.А. Некрасов).

Антитеза — противопоставление понятий, положений, образов.

Баллада — стихотворение особой формы, преимущественно на историческую тему («Песнь о вещем Олеге». А.С. Пушкин).

Басня — малый повествовательный жанр, преимущественно стихотворный, нравоучительного, сатирического характера.

Внутренний монолог — речь действующего лица, обращенная к самому себе и не произнесенная вслух (выявляет сокровенные переживания героев).

Герой произведения — одно из главных действующих лиц литературного произведения (в отличие от персонажа).

Гипербола — поэтический прием чрезмерного («реки крови») преувеличения с целью усиления впечатления.

Гротеск — изображение людей и явлений в фантастически преувеличенном, уродливо-комическом виде.

Дактиль — трехсложный размер, в котором ударение падает на первый слог («Ту́чки небе́сные, ве́чные стра́нники!» М.Ю. Лермонтов).

Декаденство — общее наименование кризисных явлений буржуазной культуры конца XIX — начала XX века, отмеченных настроениями неприятия жизни. Для декаденства характерен отказ от гражданственности искусства, культ красоты как высшей ценности.

Диалог — разговор между двумя или несколькими лицами.

Драма — 1) жанр; 2) литературный род действия, принадлежащий одновременно двум искусствам: театру и литературе.

Дума — стихотворение философско-исторического содержания («Дума». М.Ю. Лермонтов).

Жанр — исторически сложившаяся устойчивая разновидность художественных произведений, существующая внутри определенного рода литературы (эпос, лирика, драма).

Завязка — начальный момент в развитии событий, изображенных в художественном произведении.

Замысел — первая ступень творческого процесса, первоначальный набросок будущего произведения. У замысла существуют две стороны: сюжетная (автор заранее намечает ход событий) и идейная (предполагаемое разрешение взволновавших писателя проблем и конфликтов).

Идея произведения — главная мысль художественного произведения, отражающая отношение автора к действительности и выступающая через всю систему образов.

Ирония — насмешка, осмеяние. Комический эффект достигается тем, что говорится прямо противоположное тому, что подразумевается.

Искусство — творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах.

Классицизм — стиль и направление в литературе XVII — начала XIX века, обратившиеся к античному наследию как к норме и идеальному образцу. Главная тема классицизма — конфликт общественных и личных начал, долга и чувства.

Комедия — жанр драматургии, изображающий такие жизненные положения и характеры, которые вызывают смех.

Композиция — построение художественного произведения, система организации образов, их связей и отношений.

Конфликт — противоречие, противоборство между изображенными в художественных произведениях действующими силами.

Концовка — заключительная часть литературного произведения.

Критический реализм — художественный метод и литературное направление, сложившиеся в XIX веке. Главная его особенность — изображение человеческого характера в органической связи с социальными обстоятельствами, наряду с глубоким социальным анализом внутреннего мира человека.

Кульминация — точка высшего напряжения действия в художественных произведениях.

Лирика — один из трех родов художественной литературы. Рисует отдельные состояния характера в определенные моменты жизни, собственное «я» поэта. Охватывает стихотворные формы — элегия, романс, сонет, песня.

Лирический герой — образ героя в лирическом произведении, его переживания, мысли и чувства.

Лирическое отступление — лирические стихи (или место в прозе), прерывающие последовательное повествование.

Литературный тип — художественное воплощение характерных устойчивых особенностей личности, обусловленных общественно-исторической ситуацией, типом поведения человека.

Метафора — переносное значение слова, когда одно явление или предмет уподобляется другому, причем можно использовать и сходство, и контраст.

Метонимия — замена одного слова другим, смежным по значению, например, *стол* вместо *еда*, *карман* вместо *де́ньги*.

Модернизм — направление искусства и литературы конца XIX — начала XX века, характеризующееся разрывом с традициями реализма.

Образ автора — способ авторского существования в пределах произведения, концентрированное воплощение сути произведения.

Олицетворение — вид метафоры, перенесение свойств одушевленного предмета на неодушевленный.

Онегинская строфа — принадлежащая Пушкину форма строфы, которой написан роман «Евгений Онегин». 14-стишие четырехстрочного ямба с рифмовкой «абабввггдееджж».

Пародия — жанр в литературе, сознательная имитация в сатирических или юмористических целях индивидуальной манеры, стиля, жанра и т.д.

Пафос — идейно-эмоциональная настроенность художественного произведения или всего творчества.

Персонаж — действующее лицо художественного произведения.

Развязка — разрешение конфликта в литературном произведении, исход события.

Реализм — понятие, характеризующее познавательную функцию искусства: правдивое, объективное отображение действительности.

Рифма — созвучие концов стихотворных строк.

Романтизм — художественное направление, сложившееся в конце XVIII — начале XIX века. Для романтизма характерны особый интерес к личности и ее отношение к окружающей действительности, а также противопоставление реального мира идеальному.

Сатира — способ проявления комического в искусстве, осмеивающий явления, которые представляются автору порочными.

Сентиментализм — течение в литературе и искусстве XVIII — начала XIX века, провозглашавшее культ естественного чувства, природы, было не чуждо патриархальной идеализации.

Символ — образ, максимально обобщенно и экспрессивно выражающий идею или отличительные черты какого-либо события или явления.

Символизм — направление в искусстве начала XIX века, сосредоточенное на художественном выражении посредством символа и «вещей в себе» и идей, находящихся за пределами чувственного восприятия.

Синекдоха — стилистический прием — название части вместо целого или наоборот («пропала моя головушка» вместо «я пропал», «очаг» вместо «дом»).

Стиль — единство образной системы, изобразительно-выразительных средств, творческих приемов, обусловленное единством идейного содержания.

Сюжет — совокупность действий, событий, в которых раскрывается основное содержание художественного произведения.

Тема — предмет, основное содержание рассуждения, изложения, разговора и т.п.

Трагедия — жанр драматургии, проникнутый пафосом трагического.

Фабула — цепь событий, составляющих сюжет, в их причинно-временной последовательности.

Хорей — двусложный размер, в котором ударение падает на первый слог

(«Бу́ря мгло́ю не́бо кро́ет» А.С. Пушкин).

Эпос — повествовательный род литературы, характеризующийся изображением событий, внешних по отношению к автору.

Ямб — двусложный размер, в котором ударение падает на второй слог

(«Двадца́тый ве́к. Ещё бездо́мней,
Ещё страшне́е жи́зни мгла́». А. Блок).

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов 3
Предисловие 5
I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 7
ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 7
«Слово о полку Игореве» 14
ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА 17
М.В. ЛОМОНОСОВ 23
Поэзия М.В. Ломоносова 25
Оды М.В. Ломоносова 26
Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года 30
Д.И. ФОНВИЗИН 34
О комедии «Недоросль» 35
«Недоросль» 38
ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 53
А.С. ГРИБОЕДОВ 55
О комедии «Горе от ума» 57
«Горе от ума» 64
А.С. ПУШКИН 104
К Чаадаеву 111
Пророк 112
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» 113
О романе «Евгений Онегин» 115
«Евгений Онегин» 119
М.Ю. ЛЕРМОНТОВ 159
Лирика М.Ю. Лермонтова 162
Смерть поэта 164
Родина 167
«Пророк» 168
О романе «Герой нашего времени» 170
«Герой нашего времени» 174
Словарь литературоведческих терминов 235

Сведения о состоянии учебника, выданного в аренду

№	Имя, фамилия ученика	Учебный год	Состояние учебника при получении	Подпись классного руководителя	Состояние учебника при сдаче	Подпись классного руководителя
1						
2						
3						
4						
5						
6						

Таблица заполняется классным руководителем при передаче учебника в пользование и возвращении назад в конце учебного года. При заполнении таблицы используются следующие оценочные критерии:

Новый учебник	Состояние учебника при первой передаче
Хорошо	Обложка цела, не оторвана от основной части книги. Все страницы в наличии, не порваны, на страницах нет записей и помарок.
Удовлетворительно	Обложка не смята, слегка испачкана, края стёрты. Удовлетворительно восстановлен пользователем. Вырванные страницы восстановлены, но некоторые страницы исчерчены.
Неудовлетворительно	Обложка испачкана, порвана, корешок оторван от основной части книги или совсем отсутствует. Страницы порваны, некоторых нет в наличии, имеющиеся исчерчены, испачканы. Учебник для дальнейшего пользования не пригоден, восстановить нельзя.